Х 44
Д.18
А 521836

Даниловский Г.

Харьковская школа,
в старину и теперь.

36 А 524836
743
5601
Х.

И. 866. 103

ХАРЬКОВСКІЯ ШКОЛЫ, ВЪ СТАРИНУ И ТЕПЕРЬ.

(Историческія и статистическія замѣтки объ училищахъ и народномъ образованіи въ харьковской губерніи).

I.

Школы въ старину.

Латинскія школы монастырей. — Шафонскій и Филаретъ. — Унія. — Что такое «мандрованный дякъ». — Семинаристы на кондиціяхъ. — Русскій языкъ въ школахъ губерніи. — Т. И. Селивановъ о бурсакѣ, попавшемъ въ крѣпостные изъ учителей. — Конискій и Тимковскій о школярахъ XVIII вѣка. — Сковорода и учителя изъ эмигрантовъ. — Условіе помѣщика съ учителемъ XVIII вѣка. — Харьковскій университетскій архивъ. — Записки Кеппена. — Отношенія университета къ сельскимъ школамъ. — Мечты пр. Каменскаго. — Школы съ 1804 по 1837 годъ, по университетскому архиву. — Роммель о школахъ 1811 — 1815 г. — Частные пансіоны. — Шалости и наказанія. — Мелочность ректорскихъ дѣлъ. — Заключеніе.

Харьковская губернія, еще до 1835 года носившая имя Слободской Украйны, населилась, не далѣе 17 столѣтія, бѣглыми днѣпровскими казаками и другими жителями западной Малороссіи, въ новыхъ колоніяхъ искавшихъ спасенія отъ тогдашнихъ польскихъ смутъ. Въ 1654 году въ Слободской Украйнѣ считалось около 80,000 душъ жителей. Нынѣ, на пространствѣ 4.212,208 десятинъ земли, жителей въ губерніи считается около 1.367,500 душъ обоего пола.

Въ качествѣ казацкой колоніи, Слободская Украйна несла съ остальною Малороссіей общую судьбу и въ отношеніи первыхъ попытокъ народнаго образованія. Мы осмотрѣли мѣстные архивы старыхъ дѣлъ, искали слѣдовъ науки и грамотности въ этомъ краѣ въ немногихъ историческихъ сочиненіяхъ о губерніи и объ окрестныхъ съ нею областяхъ, и вотъ тѣ скудныя данныя, которыя нами добыты въ этомъ случаѣ. Приводимъ ихъ вездѣ въ подлин-

Спб, 1863

ныхѣ выраженіяхъ источниковъ, которыми мы пользовались. Просимъ извинить отрывочность и сухость этихъ матеріаловъ, надѣясь, что изъ собранныхъ нами свѣдѣній впослѣдствіи окажется возможность написать болѣе оживленную исторію науки на Украйнѣ.

Шафонскій *) говоритъ: «За полтораста и болѣе лѣтъ назадъ, будучи Малая Россія подъ державою польскою, завела у себя въ монастыряхъ латинскія школы. Въ сихъ училищахъ прежде, кромѣ латинскаго и польскаго языка да нѣсколько Аристотелевой древней философіи, краснорѣчія о богословія, никакихъ наукъ не обучали. Въ позднѣйшее время стали нѣсколько греческому, еврейскому, нѣмецкому и французскому языкамъ и по новѣйшей и яснѣйшей Баумейстеревой философіи учить; но все сіе ученіе весьма слабое и недостаточное. Бѣдное содержаніе учителей, а оттого и недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ и въ книгахъ, причиною, что наука и просвѣщеніе по сіе время въ семъ краѣ весьма въ худомъ и бѣдномъ состояніи находится. Должно малороссіянамъ ту справедливость отдать, что они охотно въ науки вступаютъ, такъ что не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и казачьи дѣти, съ доброй воли въ вышеписанныя училища идутъ и мірскимъ подаяніемъ ежедневной пищи, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ и, терпя холодъ и голодъ и всю скудость и нужду, охотно и прилежно учатся и многія изъ нихъ какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ званіи, достойные выходили люди. Лѣтъ за сорокъ назадъ (писано въ 1786 г.) когда малороссіяне, кромѣ самой Малой Россіи, нигдѣ не искали службы, дворянскія и самыхъ почтеннѣйшихъ дѣти, обучась дома русской грамоты, вступали въ латинскія школы и, обучась тамъ лѣтъ десять и больше латинскаго языка, затруднительнаго и темнаго стихотворства, краснорѣчія и философіи, будучи уже въ возмужалыхъ лѣтахъ вступали въ гражданскую службу канцеляристами, не поставляя то себѣ нимало за стыдъ и подлость. Нынѣ достаточные дворяне содержатъ учителями иноземцевъ,—такъ что уже въ малороссійскихъ латинскихъ школахъ одни почти поповскія и другія церковническія дѣти учатся».

Эти-то польско-латинскія школы при монастыряхъ въ Малороссіи

*) «Топографическое описаніе черниговскаго намѣстничества, 1786 года» изд. 1851 г., 34 — 35 стр.

K 5601

были разсадниками грамотности въ тѣхъ сельскихъ и приходскихъ школахъ, которыя оказываются во многихъ деревняхъ и нынѣшней харьковской губерніи въ царствованіе Петра I, и еще болѣе при Аннѣ Іоанновнѣ.

Авторъ «историко-статистическаго описанія харьковской епархіи, преосвященный Филаретъ, у котораго были подъ рукой всѣ мѣстные церковные архивы, говоритъ: (изд. 1852 г. стр. 14—15): «При обозрѣніи церквей мы видимъ, что въ Слободской Украйнѣ при многихъ церквахъ — въ 1732 году — были приходскія школы. По ставленническимъ дѣламъ видимъ, что здѣсь учились почти всѣ тѣ, которые послѣ исправляли должность причетниковъ при церквахъ, а потомъ иные поступали и въ священники. Понятно, что въ этихъ школахъ учили немногому — читать и писать. Ставленники, согласно съ духовнымъ регламентомъ, обязывались подпискою выучить катехизисъ. Но каковы были священники въ приходахъ? получивъ священный санъ, болѣе уже не заботились они знать догматовъ вѣры и многіе не видали и въ рукахъ своихъ книжки послѣ священія своего. — Въ 1749 г. вмѣнено въ обязанность, дабы въ каждой протопопіи были проповѣдники для обученія народа истинамъ вѣры и благочестія, въ воскресные и праздничные дни. Но оказалось, что учительныхъ священниковъ, которые могли бы говорить проповѣди своего сочиненія, было мало; многіе изъ священниковъ были изъ неучившихся ничему, кромѣ часослова и псалтыри». — Священникамъ поэтому разослали книгу о тайнахъ, съ объясненіемъ ихъ званія и обязанностей. Но въ 1752 году преосвященный Іосафъ Горленко нашелъ въ одномъ изъ уѣздовъ своей епархіи 10 такихъ священниковъ, которые «совершали литургію на испортившемся винѣ, вопреки наставленію разосланной книжки, и были до того грубы и нерадивы, что даже не прочли этой книжки — какъ не читали ничего на свѣтѣ..

Въ «историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи» столько богатомъ матеріалами для исторіи мѣстной старины, добытыми въ приходскихъ церковныхъ и городскихъ архивахъ, упоминаются слѣдующія народно-церковныя школы начала XVIII вѣка въ губерніи. — По переписи 1732 года упоминаются: близь Харькова въ г. Куряжѣ «при соборѣ шпиталь, гдѣ призрѣваются нищіе, и двѣ школы, изъ которыхъ въ одной три наставника, а въ другой одинъ дьячокъ»; — въ г. Харьковѣ при троицкомъ храмѣ «кромѣ богадѣльни, школа съ 7 наставниками — дьячками» — (стр. 44—46)

въ 15 верстахъ отъ Харькова, въ селѣ Деркачахъ «школа, и шпиталь, богадѣльня» — (140 стр.); въ 30 верстахъ отъ Харькова «въ селѣ Должикѣ школа, а въ селѣ Рогозянкѣ школа и шпиталь» — (154 стр.); въ городѣ Валкахъ: «школа и шпиталь» — (194 стр.); въ селѣ Новой-Водолагѣ въ томъ-же 1732 г. показаны двѣ школы, на иждивеніи тамошнихъ жителей съ 4-мя наставниками въ одной и съ однимъ въ другой; въ томъ-же селѣ позднѣе, 1779 г., заведено училище, въ которомъ священническія дѣти обучаются латинскому языку до реторическаго класса, также ариѳметикѣ, россійской грамматикѣ, правописанію и катихизису, по способности» (такъ сказано въ описаніи городовъ губерніи 1779 года). — Чтобъ не утомлять выписками изъ церковныхъ архивовъ, собранными нами въ книгѣ преосвященнаго Ѳиларета, гдѣ упоминается только число школъ и наставниковъ при нихъ, безъ другихъ объясненій, однимъ выраженіемъ «школа и шпиталь» или просто: «двѣ школы, училище»—приведемъ одинъ ихъ краткій перечень относящійся къ 1732 году. Вотъ всѣ остальныя школы того времени: въ селѣ Водолажкѣ 2 школы, въ г. Ахтыркѣ 1 школа (она же значится и по ахтырскимъ купчимъ № 911), въ городѣ Сумахъ 5 школъ, изъ коихъ при церкви Троицкой школа съ 2 учителями и богадѣльня для мѣщанъ; въ селѣ Нижней-Сыроваткѣ 1 школа, гдѣ учителей, т. е. «школярей 7-мъ» — въ селѣ Бабрикѣ 1 школа (на 328 душъ муж. пола), въ селѣ Стецковкѣ 1 школа и «2 школяри-учителя» (на 1124 душъ муж. п.) «въ селѣ Хотѣнь 1 школа; въ селѣ Кровномъ 1 школа съ 4 дьячками; въ селѣ Боромлѣ 1 школа; въ городѣ Бѣлопольѣ 1 школа съ 2 учителями и *братерскій* дворъ при соборѣ, а при Ильинской церкви еще 1 школа и 2 учителя; въ селѣ Ворожбѣ (Бѣлопольской) 1 школа, въ селѣ Климовкѣ 1 школа, въ селѣ Рѣчкахъ 1 школа, въ селѣ Тростинцѣ 1 школа; въ селѣ Семеренкахъ 1 школа; въ селѣ Ворожбѣ (Сумской) 1 школа съ 4 наставниками; въ селѣ Гринцовкѣ 1 школа, въ селѣ Голубовкѣ 1 школа, въ селѣ Михайловскѣ 1 школа (по дѣламъ правленія 1754 г. есть просьба Даніила Чепиринцова, который пишетъ: «1741 г. имѣлъ я учительство лебединскаго уѣзда въ селѣ Михайловкѣ, при церковной школѣ»); въ помѣщичьемъ имѣніи «подданныхъ подпрапорнаго Павла Штепенка» въ селѣ Штеповкѣ 1 школа съ 3 наставниками, въ селѣ Печенѣгахъ 2 школы; въ селѣ Балаклеѣ 1 школа; въ селѣ Андреевкѣ 1 школа; въ селѣ Шелудковкѣ 1 школа и богадѣльня; въ городѣ

Зміевѣ 1 школа съ 4-мя наставниками; въ селѣ Лиманѣ 3 школы и при нихъ 8-мъ дьячковъ-учителей; въ селѣ Соколовѣ 1 школа съ 4-мя дьячками; въ селѣ Пристѣнѣ 1 школа; въ селѣ Сѣньковѣ 1 школа.

Итого въ 1732 году на пространствѣ нынѣшней харьковской губерніи было 46 приходскихъ школъ, гдѣ учителями были дьячки и священники. Жителей въ губерніи тогда считалось около 135,000 человѣкъ. Слѣдовательно тогда 1 школа приходилась на 3,000 человѣкъ жителей.

Упоминая нѣкоторыя изъ перечисленныхъ выше 46 школъ, названное нами сочиненіе приводитъ о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Такъ, называя древнюю школу въ селѣ Боромлѣ, пр. Филаретъ говоритъ: (стр. 131 — 132): «при Боромлянскомъ храмѣ соборномъ, ахтырскаго уѣзда, существуетъ школа съ давнихъ временъ. Одинъ изъ урожденцевъ Боромли, сумской іеродіаконъ Маркъ Мушенко, передъ посвященіемъ своимъ въ іеремонахи 1744 г., давалъ такое показаніе о себѣ: «по смерти отца своего остался онъ 5-ти лѣтъ и въ 1709 г. пошелъ въ училище, въ городѣ Боромлѣ, церкви Рождество Богородицы въ школу, къ бывшему въ то время дьячку Ивану Ивченку, своею волею». — Другой Черкашенинъ (казакъ изъ-за Днѣпра) урожденецъ села Криничнаго монахъ Сумскаго монастыря Дорофей, въ 1749 г. показывалъ: «отъ роду ему 30 лѣтъ; книжному чтенію и пѣнію обученъ онъ ахтырскаго (слободско-украинскаго) полку села Тростинца дьячкомъ Петромъ; а по изученіи русской грамоты *бывалъ онъ при церковныхъ школахъ дьячкомъ*». «Эти два показанія очень важны, говоритъ пр. Филаретъ, собиравшій по крупицамъ изъ монастырскихъ и церковныхъ актовъ свѣдѣнія о старинныхъ школахъ харьковскихъ: онѣ говорятъ, что при церквахъ значительныхъ черкасскихъ (харьковскихъ) мѣстечекъ уже около 1700 года были школы и учителями школъ были дьячки. Отселѣ несомнѣнно, что выраженіе такъ часто встрѣчающееся въ дѣлахъ о посвященіи діаконовъ и священниковъ черкасскихъ стараго времени «обученъ дьячкомъ» означаетъ тоже, что обученъ въ церковной школѣ». По справкѣ съ документами, оказывается, что заведеніе школъ при церквахъ Слободской-Украйны (нынѣ харьковской губерніи) современно самому ея населенію, и что это прекрасное учрежденіе принесено черкассами изъ-за Днѣпра, *гдѣ унія вынудила рано приняться за книги*, чтобъ быть въ состояніи бороться съ проповѣдниками уніи — іезуитами.

Въ нѣкоторыхъ документахъ, приводимыхъ названною выше книгою, говорится: «обученъ чтенію и пѣнію по разнымъ школамъ дьячками, а по изученіи былъ въ маетности (имѣніи) г. полковника въ селѣ Жукахъ дьячкомъ, *по черкасскому обыкновенію*, *въ школѣ*, *9 лѣтъ*». — «въ селѣ Капустянцѣ былъ (другой) при Воздвиженской церкви, по черкасскому обыкновенію, дьячкомъ, а онъ Алексѣй жительство имѣетъ въ селѣ Грункѣ (Полтавской губерніи) при церкви святаго Михаила въ школѣ» — и еще выраженіе: «Онъ Іоанникій, по изученіи славянской грамоты, ходилъ по разнымъ мѣстамъ лѣтъ съ 27 въ дьячковскомъ званіи; русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ *мандрованнымъ дьякомъ*, Павломъ». Объясненіе этого характернаго прозванія «мандрованный дьякъ» приведеннаго въ книгѣ пр. Филарета, мы долго искали между старожилами губерніи, нашли съ трудомъ, въ бесѣдѣ съ почтеннымъ Т. И. Селивановымъ, стариннѣйшимъ жителемъ Харькова, и приводимъ его ниже. — Приводя свѣдѣніе о школѣ въ селѣ Кровномъ, пр. Филаретъ говоритъ: «Въ 1742 г. дьячокъ Иванъ Григорьевъ въ селѣ Кровномъ, поставлявшійся въ священники» на мѣсто отца своего, показывалъ: «русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ Иванъ той-же церкви дьячкомъ Василіемъ; а по изученіи русской грамоты отданъ былъ *въ харьковскія славено-латинскія школы* и трактовалъ до поэтики, подъ учителя Варлаама Тищинскаго, и изъ показанныхъ латинскихъ школъ опредѣленъ той-же церкви дѣйствительнымъ дьячкомъ». — Упоминая школу въ селѣ Семеренкахъ, пр. Филаретъ говоритъ: «діаконъ Яковъ Ивановъ, которому велѣно было непремѣнно выучить наизусть катехизисъ и тогда черезъ годъ явиться къ посвященію въ священники, показывалъ о себѣ въ декабрѣ 1737 года»: «родомъ онъ Яковъ малороссіянинъ; чтенію и пѣнію изученъ въ селѣ Семеренкахъ въ школѣ дьячкомъ; взятъ былъ по указу въ славено-латинскія школы и ученъ въ аналогіи и иноимѣ профессоромъ Петромъ Венсовичемъ, въ грамматикѣ Пелчинскимъ, въ синтаксисѣ и въ поэтикѣ Корабановичемъ, въ Харьковѣ, въ реторикѣ Тапольскимъ два года, и по окончаніи реторики данъ ему отпускной патентъ; въ ученіи былъ 7 лѣтъ». — Наконецъ, называя школу въ селѣ Балаклеѣ, зміевскаго уѣзда, пр. Филаретъ говоритъ: «послушникъ Святогорскаго монастыря, онъ Изюмскаго полка въ городѣ Балыклеѣ; отецъ его при школѣ Василій Жуковскій въ консисторіи показалъ о себѣ: «родился Успенской церкви города Балаклеи обучалъ *школяровъ и крыло-*

сное пѣніе, и онъ жилъ при отцѣ своемъ въ школахъ въ томъ городѣ Балаклеѣ до возрасту своего и училъ; а по смерти отца своего живалъ въ томъ-же Изюмскомъ полку по разнымъ мѣстамъ— въ школахъ».

Слѣдовательно, въ Слободскую Украйну (харьковскую губернію) наука перешла изъ-за Днѣпра, вмѣстѣ съ жителями, въ началѣ XVIII вѣка. Сперва она носила чисто латинско-польскій схоластическій характеръ, какъ произведеніе религіозныхъ смутъ и уніи. Около 1700—1732 годовъ, въ харьковской губерніи было 46 школъ въ деревняхъ и городахъ. Но эти школы далеко еще небыли школами для народа, т. е. для поселянъ-пахарей и мѣщанъ. Въ нихъ обучалось бѣдное и грубое сельское духовенство, изъ котораго вскорѣ вышли первые учители будущихъ народныхъ училищъ, возникшихъ при Екатеринѣ II, и даже учители помѣщичьихъ дѣтей, купцовъ и горожанъ. Украйнскій дьякъ, такъ характерно обрисованный Квиткой-Основьяненкомъ въ его романѣ «Панъ-Халявскій» и бурсакъ, обезсмертившій гоголевскаго Вія, были первыми сѣятелями науки въ губерніи въ началѣ XVIII вѣка. Найдя въ приведенномъ выше документѣ у пр. Филарета выраженіе «мандрованный дьякъ» я обратился къ Т. И. Селиванову, въ Харьковѣ, между прочимъ, съ такимъ вопросомъ:

— Что такое, Тимофѣй Ивановичь, были здѣсь въ старину мандрованные дьяки?

— Очень хорошо знаю и понимаю, что это такое было. Дьячки въ старину нанимались, по добровольнымъ сдѣлкамъ съ прихожанами, къ церквамъ для пѣнія, чтенія и для ученія въ церковныхъ школахъ. Учитель-дьякъ при школѣ, обучая будущаго такого же дьяка, обыкновенно говорилъ ему такую поговорку: «Какъ станешь самъ учителемъ, *учи такъ, чтобъ не отбилъ школы*»! т. е. не открывай своему ученику *всего*, чтобъ ученикъ у тебя не отбилъ въ приходѣ школы и не сѣлъ бы на твое мѣсто. Вотъ этого-то *всего*, всей сути школьнаго познанія и добивались узнать разными хитростями у своихъ учителей поступающіе въ школы дьячки... Для этого-то, между прочимъ, они переходили изъ школы въ школу, бродили по селамъ, «мандровали» по украински. Бродячій или мандрованный дьякъ являлся въ сельскую школу, притворялся ничего не знающимъ, узнавалъ часть нужныхъ свѣдѣній у однаго учителя-дьяка, часть у другаго, шелъ дальше и вскорѣ становился самъ знающимъ все, перехитривши своихъ учителей, изъ кото-

рыхъ каждый, между тѣмъ, выросъ на пресловутой поговоркѣ: учи такъ, чтобъ не отбилъ школы...

— Въ чемъ же состояло это могучее всезнаніе тогдашнихъ церковныхъ школъ?

— Я самъ учился въ семинаріи, отвѣтилъ Т. И. Селивановъ, лѣтъ за 60 передъ этимъ. А у насъ были свои старожилы по 60 и по 80 лѣтъ. Отъ нихъ-то мы и узнали о былыхъ временахъ. Вотъ въ чемъ было знаніе мандрованныхъ дьяковъ... Первыя свѣдѣнія вездѣ въ сельскихъ школахъ, въ прошломъ вѣкѣ, состояли въ чтеніи псалтыря. Потомъ шло обученіе пѣнію 8 гласовъ: «на Господа воззвахъ къ тебѣ»! — потомъ 8 гласовъ «на Бо Господи явися намъ»; затѣмъ на ирмосы 8 гласовъ. Но были еще на тѣ-же псалмы и ирмосы пѣніе самогласное, т. е. на свой собственный голосъ, своего сочиненія и подобное, т. е. двойныя слова, двойной текстъ на одинъ мотивъ или голосъ. Въ тотъ отдаленный вѣкъ только и можно было щегольнуть, что этими мудростями пѣнія. Оттого-то и были у насъ тогда мандрованные дьяки, учившіеся ирмосамъ въ Водолагѣ у одного учителя, а самогласному пѣнію въ Боромлѣ, или подобному въ Балаклеѣ. И не одни дьяки знали такія премудрости. Крестьяне тонули въ невѣжествѣ; за то нѣкоторые купцы знали всѣ эти тонкости и на домашнихъ бесѣдахъ и пирушкахъ распѣвали псалмы самогласные и подобные. Еще въ мое отрочество славились въ Харьковѣ екатерининцы-купцы такого рода: А. Д. Скрынникъ, И. Т. Ващенко и И. Г. Рѣшитько. Такъ что о такихъ людяхъ говорили въ городѣ: «они учились у мандрованныхъ дьяковъ, да и сами кажется изъ мандрованныхъ» т. е. разумнѣйшихъ.

Вскорѣ ученость дьяковъ въ губерніи вошла въ извѣстность. Ихъ и семинаристовъ стали брать *«на кондиціи»*, т. е. къ дѣтямъ своимъ въ домашніе учителя, богатые помѣщики. Гоголь въ повѣсти «Вій» приводитъ вѣрное изображеніе этихъ бурсаковъ, отправлявшихся на кондиціи изъ городовъ по деревнямъ. «Самое торжественное для семинаріи событіе было вакансіи. Тогда всю большую дорогу усѣявали грамматики, философы и богословы. Послѣдніе отправлялись на кондиціи, т. е. брались учить или приготовлять дѣтей людей зажиточныхъ и получали за то въ годъ новые сапоги, а иногда и сюртукъ. Каждый тащилъ съ собою мѣшокъ, въ которомъ находилась одна рубашка и пара онучь. Завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали съ дороги и, приблизив-

шись къ хатѣ, выстроенной поопрятнѣе другихъ становились передъ окнами въ рядъ и во весь ротъ начинали пѣть кантъ. Хозяинъ долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ своей женѣ: «жинко! то, что́ поютъ школяры, должно быть очень разумное; вынеси имъ сала и чего-нибудь такого, что у насъ есть»! Такъ поступали полторавѣка назадъ безсмертные богословъ Халява, философъ Хома Брутъ и риторъ Тиберій Горобецъ у Гоголя.

Я спросилъ Т. И. Селиванова не помнитъ ли онъ, какъ въ старину приглашались такіе семинаристы на кондиціи?

— Какъ не знать! Обыкновенно зажиточный какой-нибудь харьковскій помѣщикъ писалъ къ архіерею или къ ректору семинаріи такое письмо съ дворецкимъ своимъ: ваше преосвященство, мнѣ нуженъ учитель учить дѣтей грамматикѣ, риторикѣ, поэзіи; жалованье ему десять или пятнадцать рублей въ годъ и одежда. Архіерей выберетъ семинариста и послѣдній, съ одною книгою» письмовникомъ Курганова» этою полнѣйшею энциклопедіею того времени, ѣдетъ учить и имъ очень довольны. Были съ этими бѣдняками учителями грустныя исторіи. Такъ помѣщикъ сумскаго уѣзда Хрущовъ, въ концѣ прошлаго XVIII вѣка, обратился къ архіерею Аггею съ просьбой объ учителѣ, прибавляя, чтобъ выслать такого, «который бы училъ дѣтей говорить *по-русски*, а не по-малороссійски». («Мы, прибавилъ при этомъ Т. И. Селивановъ, застали уже въ 1807 году въ училищахъ самаго Харькова учителей, что такъ и рѣзали по-украински съ учениками; да мы, т. е. новоприбывшіе изъ семинарій учителя, по распоряженію начальства, сломили ихъ и пріучили говорить *по-русски*» *). «Вотъ и поѣхалъ къ Хрущову на кондицію, изъ духовнаго народнаго училища, семинаристъ Павловскій. Пріѣхалъ къ помѣщику, учить его дѣтей. Дѣти выросли, оставили науку; Павловскій такъ сжился съ хозяевами, что сталъ учить его крестьянскихъ дѣтей. Пока былъ онъ учителемъ въ домѣ Хрущова, онъ съ хозяиномъ и обѣдалъ, а тутъ уже перевелъ его въ

*) Въ статьѣ извѣстнѣйшаго изъ харьковскихъ дѣятелей-старожиловъ, покойнаго В. Н. Каразина, «взглядъ на украйнскую старину» мы нашли очень характерную замѣтку, по части украйнскаго языка и его судебъ въ украинскихъ школахъ прошлаго вѣка: «города наши *прежде* заселились великороссіянами, преимущественно торговыми людьми; школы *прежде* ввели русскій языкъ». (Молодикъ 1843 г. стр. 39). *Прим. авт.*

людскую. Прошло еще нѣсколько лѣтъ; сталъ онъ отъ скуки и конторой заниматься, а тутъ его уже почти и прикащикомъ дѣлаютъ. Потяготился онъ, сталъ проситься изъ деревни. «Ты что? спрашиваетъ его Хрущовъ: не слушаться? *ты вѣдь мой!*» — Одѣли Павловскаго по-мужицки, заставляютъ уже и жениться на крестьянкѣ. — Нѣтъ, этого не будетъ! — нѣтъ, будетъ! — Да почему-же я вашъ? — «*А потому, что я тебя, братецъ*, говоритъ Хрущовъ, *записалъ въ шутку за собою по ревизіи крестьяниномъ своимъ, крѣпостнымъ*». Словомъ, свободный учитель изъ семинаристовъ Павловскій сталъ нежданно мужикомъ барина Хрущова. Заплакалъ онъ, сталъ тосковать; гонятъ его уже и на панщину, на работу. Искать, жаловаться? но кому? попалъ въ ревизію, и баста. Къ счастію его, явился по сосѣдству за сборомъ іеремонахъ изъ того-же училища, гдѣ былъ когда-то и Павловскій. Разговорились. Павловскій умолилъ его навести справки, отыскали въ архивѣ семинаріи ордеръ архіерея объ отсылкѣ Павловскаго въ учителя и вызволили его, съ выговоромъ Хрущову: что-де онъ могъ записывать за собою крестьянъ переходныхъ, но не свободныхъ учителей. Этотъ Павловскій, бывшій на своемъ вѣку черезъ учительство въ крестьянахъ, жилъ 80 лѣтъ и умеръ въ 1848 году. По словамъ его, не онъ одинъ попадалъ въ крестьяне въ то время. Нѣкоторые такъ и не освободились и остались крѣпостными за помѣщиками, у которыхъ учили дѣтей или были послѣ прикащиками...

Т. И. Селивановъ передалъ намъ еще слѣдующій очеркъ другаго учителя того времени.

— Былъ нѣкто дворянинъ Ѳедоръ Ивановичъ Кудрицкій. Учился онъ въ харьковскомъ коллегіумѣ и зналъ, хоть плоховато, французскій языкъ. Онъ поѣхалъ на кондиціи къ купянскому помѣщику Сошальскому. Сошальскіе тогда были «громкіе» а Кудрицкій былъ бойкій изъ бойкихъ. Бурсаки тогда еще «мірковали» т. е. побирались подъ окнами, распѣвая канты. У Кудрицкаго всего имущества была вязаночка книгъ, да войлочекъ и подушка. Разсказываютъ, что когда онъ пріѣхалъ и легъ въ пуховую постель, приготовленную ему бѣлыми ручками изъ бѣлоснѣжныхъ простынь г-жею Сошальскою, такъ съ него снялся цѣликомъ отпечатокъ на бѣльѣ, точно чернилами... Барыня и вся семья сбѣжались въ ужасѣ, узнали, что у учителя, кромѣ халатика, нѣтъ никакого бѣлья, сшили ему рубаху, чунарку и прочее, — онъ сталъ учить хозяйскихъ дѣтей, и они, какъ передаютъ, послѣ недурно говорили по французски.

Въ «исторіи Руссовъ» т. е. Малороссіи, Георгія Конискаго, мы находимъ (стр. 250—251, изд. 1846 г.) слѣдующую черту о школахъ, или скорѣе школьникахъ украинскихъ конца XVIII вѣка. «Царствованіе Петра III, продолжавшееся только половину года, отличилось воинскими ополченіями, экзерциціями и приготовленіями къ нимъ. Столица его и окрестности ея наполнились звукомъ оружія. Въ Малороссію посланы отъ сего государя зазывы, самые лестные для молодыхъ людей, приглашающіе въ военную службу голштинскую. Юношество здѣшнее всѣхъ состояній и воспитаній, какъ бы волшебною силою, возмутилось и поднялось птичьимъ полетомъ на сѣверъ. Всѣ дороги были наполнены сими голштинцами. Одѣтые изъ нихъ въ тонкое шелковое платье, т. е. панычи, текли вмѣстѣ съ ободранными и полунагими молодцами и равнялись съ ними гарусными галстучками, надѣтыми на подобіе оброчниковъ (ошейниковъ) на ихъ шеи. Студенты и ученики училищъ приняли на себя военные оброчники и тянулись вслѣдъ за первыми вербовщиками. — Но, какъ все скорое и порывистое имѣетъ и такой же конецъ, такъ—и они, съ іюня мѣсяца 1762 года, по кончинѣ государя, бывъ уничтожены и распущены во свояси, волоклись всѣми дорогами въ Малороссію, и подходя къ своимъ жилищамъ, прятались въ лѣсахъ и байракахъ до ночи, не показываясь отъ стыда своимъ знакомымъ». Этотъ школьный погромъ помнятъ еще многіе и въ здѣшней губерніи изъ разсказовъ старожиловъ.

Къ чертамъ изъ жизни сельскихъ школъ прошлаго вѣка слѣдуетъ отнести статью г. Тимковскаго «Мое опредѣленіе на службу» (Москвитянинъ, 1852 г. № 17-й), гдѣ авторъ говоритъ: «первому чтенію церковно-славянской грамоты научили меня въ с. Деньгахъ, мать и въ родѣ моего дядьки служившій въ порученіяхъ изъ дѣдовскихъ людей, Андрей Кулидъ. Онъ носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на бузиновой дудкѣ или громко трубя въ сурну изъ толстаго бодака. Не безъ того, что ученіе мое, утомясь на складахъ и титлахъ, бывало въ бѣгахъ, и меня привязывали длиннымъ ручникомъ къ столу». Потомъ автора отдаютъ къ сельскому дьячку съ длинною косою. «Въ избѣ дьячка, столы составляли родъ классовъ, на букварь, часословъ и псалтырь; послѣдніе два съ письмомъ. Писали начально разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ съ воскомъ черныхъ дощечкахъ не-слоистаго дерева, съ простроченными линейками, а пріученные уже писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго же отдѣленія набирались охотники въ

особый ирмолойный классъ для церковнаго пѣнія, зимою въ комнатѣ дьячка, а по веснѣ подъ навѣсомъ. Шумно было въ школѣ отъ крику 30 или 40 головъ, гдѣ каждый во весь голосъ читаетъ иной и поетъ свое. Отцы за науку платили дьячку, по условію, натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ было торжествомъ всей школы». — Семинаристовъ, отправлявшихся на кондиціи «въ голубыхъ киреяхъ» г. Тимковскій описываетъ такъ: «Такіе ходоки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ и пустынямъ, еще имѣвшимъ въ то время свои деревни; инымъ эпетентамъ счастливилось, что одно село разомъ обогащало ихъ. Начавъ труды, они учреждали свои складки, разживались на лошадь, и привозили запасы себѣ и братіи, привозили умъ и журналы, что видѣть, слышать и узнать досталось. Пришельцы наши (учителя г. Тимковскаго) одинъ рослый, смуглый, остриженъ въ кружокъ,—другой бѣлокурый, коренастый, съ косою,— поднесли отцу на расписанномъ листѣ орацію. Онъ поговорилъ съ ними, посмотрѣлъ у нихъ бумаги и почерки; задавъ имъ прочитать изъ книги и пропѣть «Блаженъ мужъ» — перваго принялъ моимъ наставникомъ, втораго надѣлилъ чѣмъ-то. Учитель къ праздникамъ для своихъ поздравленій готовилъ росписные листы съ особымъ мастерствомъ. Имѣя запасъ разныхъ узоровъ, наколотыхъ иглою, онъ набивалъ сквозь нихъ узоры на подложенную бумагу толченымъ углемъ, сквозь жидкое полотно, и по чернымъ точкамъ рисовалъ рашпилемъ. Въ такія рамы онъ вписывалъ подносимыя своего сочиненія орацiи».

Эта нравственная тина, покрывавшая тогда народныхъ учителей, занимавшихся впрочемъ болѣе разрисовкой орацій сквозь проколотую бумагу, начинала спадать. Изъ этихъ учителей стали являться своего рода реформаторы. Таковъ былъ Сковорода, славой котораго губернія наполнилась въ царствованіе Екатерины II. Жизнь и общественно-народное значеніе его слишкомъ извѣстны въ краѣ, а читателей мы относимъ къ спеціальной статьѣ о немъ, помѣщенной въ «Основѣ» 1862 г. за августъ (1 — 96 стр.). Это былъ уже народный учитель въ полномъ значеніи этого слова. Голышъ, бѣднякъ и бродяга, онъ бѣжалъ сперва изъ кіевской духовной академіи, гдѣ изъ него хотѣли сдѣлать монаха, странствовалъ пѣшкомъ и учился по Европѣ около 12 лѣтъ, потомъ явился въ Малороссіи и провелъ остатокъ жизни въ харьковской губерніи, преимущественно въ купянскомъ и валковскомъ уѣздахъ. Не-

навидя ложь и мракъ, рутину школьнаго церковническаго ученія и барство помѣщичьей жизни, Сковорода явился изъ-за границы въ Харьковъ въ рубищѣ, но полный новыхъ тогдашнихъ общественныхъ истинъ, добытыхъ имъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ тогда было сильно вліяніе мистика Бема. Скоро распространилась молва о его учености и краснорѣчіи. Его избрали въ преподаватели — профессоры тогдашнихъ прибавочныхъ классовъ при харьковскомъ коллегіумѣ. Въ предварительной лекціи онъ высказалъ нѣкоторыя мысли и напугалъ ими слушателей: «весь міръ спитъ! да спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибенъ. А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее... чего опасаться»! Волненіе было готово; буря возстала на него. Рукопись лекцій его пошла по рукамъ. Съ жадностью читали ее, и Сковороду отрѣшили отъ должности. Онъ удалился изъ Харькова, и съ той поры не покидалъ учить народа. Онъ былъ, говоря словами его біографіи, «человѣкъ вольнолюбивый, самобытный, съ большою стойкостью нравственныхъ убѣжденій, безпощадный въ протестахъ противъ тогдашнихъ мѣстныхъ злоупотребленій, и ненавидимый и гонимый всѣми, кому выгодно было царство мрака и нравственной лжи». — «Голодный и бездольный бѣднякъ, онъ сталъ дѣйствовать въ полѣ, на сходкахъ въ деревняхъ, у куреней одинокихъ пасѣкъ, въ домахъ богатыхъ предразсудками тогдашнихъ помѣщиковъ, въ бѣдныхъ избахъ поселянъ и на городскихъ площадяхъ. Въ Сковородѣ олицетворилось умственное пробужденіе харьковскаго общества въ концѣ XVIII вѣка, которое создало вскорѣ рядъ школъ, гимназій, университетъ и вызвало къ жизни украинскую литературу».

Европейскія смуты, давшія намъ въ 1812 году учителей-французовъ, въ концѣ XVIII вѣка снабдили Россію учителями изъ эмигрантовъ всѣхъ націй. Такъ и харьковская губернія увидѣла многихъ изъ этихъ почтенныхъ лицъ, родомъ нѣмцевъ, венгровъ, чеховъ, французовъ, итальянцевъ и даже швейцарцевъ. Старожилы помнятъ учителей гг. Санбёфа, Ивана Вернета (этотъ швейцарецъ потомъ былъ любимымъ харьковскимъ журналистомъ) и многихъ изъ первыхъ харьковскихъ профессоровъ, о которыхъ, по отношенію ихъ къ тогдашнимъ народнымъ школамъ, скажется ниже. Но послѣдующіе гувернеры и сельскіе учители изъ иностранцевъ далеко не были тѣмъ, чѣмъ первые изъ иностранцевъ, явившихся въ концѣ XVIII вѣка просвѣщать харьковскую губернію и то изъ ея сосло-

вій, которое тогда только и училось, рядомъ съ духовенствомъ, т. е. дворянскихъ дѣтей.

Вотъ замѣчательное *«условіе помѣщика съ учителемъ»* за 63 года назадъ (см. «Молодикъ» 1843 г. стр. 226—228), которое можетъ легко обрисовать положеніе тогдашнихъ первостепенныхъ сельскихъ учителей, т. е. иностранцевъ. Какъ-же смотрѣли тогда на учителей изъ русскихъ! Выписываемъ это условіе слово въ слово, какъ оно озаглавлено въ «Молодикѣ» — съ «черноваго, писаннаго рукою г-на помѣщика»: «1800 года, октября 7 дня, я ниже подъ писавшейся Прусской нацие Фридрихъ Лотъ обовязалъ ся сымъ контрактомъ отвступленія моего вдолжность жить годъ вдоме Харьковского уезда у г. помещика подполковника К. обучать зимніе мѣсяци дѣтей ево нѣмецкому язику граматическимъ правиламъ читать и писать и нижнихъ классовъ арифметики и за сиромъ ево К. иметъ неусипное смотреніе за поведеніемъ ево и доставлять всякое ему благонъравие какъ воспитанию благородному дитати принадлежитъ безъ малѣйшаго упущенія *весть себя всегда трезво* и добропорядочно, какъ честному человеку принадлежитъ быть для хорошово примеру, впротивномъ же случае за несмотрение мое или пянство и худыя поступки повиненъ я Лотъ отвечатъ по законамъ; *и по прохожденее зъмнихъ месяцей*, мне Лоту за ево сиромъ уже болѣя не смотреть и дѣтей не учить, *а вступить мне вдолжность садовничию* и старатца здѣлать два аглицкия сада завестъ теплици цветники и парники крытия алей ранжирею и огородни поросаживать деревья и делать прививки колеровки и отводи самимъ искуснимъ образомъ по сей должности стараца не леностею делать приобретенія разныя размноженію фруктовыхъ деревьевъ, дабы неусыпнымъ раченіемъ моимъ и трудами заслужить могъ себѣ похвалу и вагражденіе; мнѣ Лоту получить вгодъ отъ ево К. пшеницы пять и ржи 4, крупъ одну, пшена одну, гороху одну, овса двѣ четверти, всего четирнадцать четвертей, масла коровьево пудъ, масла постново ведро, сала свинова 2 пуда, соли 2 пуда, свѣчнова сала топленова пудъ, уксусу ведро, *наливки 2 ведра горячево вина 3 ведра*, солонины 4 пуда, вичины пудъ, свѣжаго мяса 6 пудъ и пристойное число крошева и свекли квашеной и годового жалованья 120 рублей. Буде же я хотя окажуся въ сихъ должностяхъ незнающъ и нерачителенъ, то вольно ему К. меня отпустить заплатя за тотъ терменъ мнѣ жалованье, что я проживу въ ево и всю провизію и прочее все то, что я заслужу».

Пока высшее сословіе въ губерніи, записывая въ шутку своихъ учителей въ крѣпостные, само еще не въ шутку смѣшивало званіе ихъ съ званіемъ садовника и не думало о просвѣщеніи своихъ и окрестныхъ простолюдиновъ, правительство приняло рядъ мѣръ, давшихъ образованіе пока духовенству и горожанамъ губерніи.

Для обзора мѣръ правительственныхъ, вернемся нѣсколько назадъ, именно ко времени Петра I. На этотъ разъ мы приведемъ данныя, добытыя нами въ рукописныхъ матеріалахъ харьковскаго «университетскаго архива».

Въ рукописной замѣткѣ г. Кеппена, находящейся при дѣлахъ харьковскаго университета подъ названіемъ *«училища въ Харьковѣ»*, приведены также нѣкоторыя данныя касательно происхожденія народныхъ школъ въ краѣ. «Первоначальное заведеніе публичныхъ школъ въ Харьковѣ кажется, говоритъ г. Кеппенъ, должно отнесть къ 1726 году, когда Епифаній, епископъ бѣлогородскій и обоянскій, перевелъ туда, основанное имъ въ 1722 году въ Бѣлгородѣ, училище. Заведеніе сіе, обязанное существованіемъ духовному регламенту 1721 года и грамотѣ, дарованной императрицею Анною Іоанновною, 16 марта 1731 года, именуется славено-греко-латинскою школою. Къ нему была приписана покровская церковь, почему и названо харьковскимъ училищнымъ покровскимъ монастыремъ, съ тѣмъ, чтобы учить всякаго *народа* и *званія* дѣтей православныхъ не только піитикѣ, реторикѣ, но и философіи и богословіи, и языкамъ славено-греческому и латинскому. Князь М. М. Голицынъ, въ то время бывшій главнокомандующимъ на Украйнѣ, снабдилъ училище вотчинами (въ 50 верстахъ отъ Харькова, въ валковскомъ уѣздѣ, с. Песочки съ хуторами), а генералъ-маіоръ Шидловскій подарилъ училищу каменный домъ. Такимъ образомъ положено было основаніе харьковскому духовному коллегіуму, въ которомъ архіепископъ Петръ Смѣличь (съ 1736 года) ввелъ языки французскій и нѣмецкій, исторію, географію, вызвавъ изъ европейскихъ училищъ потребное число учителей. По отлученіи его отъ епархіи въ 1741 г. эти науки тамъ прекратились; но введены снова Екатериною II, по инструкціи 1765 года, данной сенатомъ слободскому губернатору. О послѣднемъ просили царицу сенаторы Шаховской, Панинъ и Олсуфьевъ, въ докладѣ 1765 г., по коммиссіи слободскихъ полковъ. Классы предоставлены вѣдѣнію губернскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы ученики коллегіума обучались въ нихъ безъ всякаго платежа. Сироты и неимущіе обучались на казенномъ содержаніи, проживая

въ такъ называемомъ сиропитательномъ домѣ (въ бурсѣ). Тутъ въ училищѣ обучались: языкамъ французскому и нѣмецкому, геометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, рисованію, музыкѣ, танцованію и пр.». Коллегіумъ, по словамъ статьи «Молодика» 1843 г. (43 стр.), «воспиталъ многихъ государственныхъ мужей, архіерсевъ, губернаторовъ, отличнѣйшихъ врачей и даже отличныхъ воиновъ; ибо дворянство училось въ немъ совмѣстно съ духовенствомъ».

По словамъ историка Миллера (см. Географическій Словарь россійскаго государства; М. 1789 г. ч. V стр. 119) около 1789 г. «число учителей и учениковъ, съ служителями ихъ, въ г. Харьковѣ составляло до 1000 человѣкъ». Въ 1789 году въ Харьковѣ открыто главное народное училище, къ которому присоединились и названные выше вспомогательные классы коллегіума.

Въ библіотекѣ харьковскаго университета хранится любопытная книга, экземпляры которой есть и въ спб. публичной, «*Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ*» и пр. (1788 г. 170 стр.). Въ ней я нашелъ слѣдующія указанія (стр. 128—137). Въ грамотѣ Анны Іоанновны 1731 г. объ открытіи народной школы при харьковскомъ покровскомъ монастырѣ, говорится: «Понеже дядя нашъ Петръ Великій особливое попеченіе имѣлъ о размноженіи училищъ и школъ, какъ духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ наукъ, въ 1721 году объявлено, чтобы каждый архіерей въ своихъ епархіяхъ имѣлъ школы и семинаріи; а нынѣ — Епифаній епископъ, въ г. Харьковѣ основалъ — школы каменныя и учредилъ игумена надъ школами ректоромъ, да еще префекта и учителей, а именно всѣхъ 8 человѣкъ, отчего-де не токмо священству, *но и отечеству россійскому* не малый плодъ происходитъ; и чтобъ на подкрѣпленіе тѣхъ школъ и свободнаго въ нихъ ученія, дабы и впредь были отъ его сукцессоровъ содержаны ненарушимо, дать нашу жалованную грамоту; — такожде стараться, чтобъ науки вводить на собственномъ *россійскомъ языкѣ*; а неспокойныхъ и вражды творящихъ учителей и учениковъ унимать и смирять» и пр. — Книга эта прибавляетъ: «Всѣ книги митрополита Стефана Яворскаго этому училищу пожалованы; въ немъ къ 1788 г. было всѣхъ книгъ до 2500 томовъ, въ томъ числѣ рѣдкая для своей среды «собственноручная лѣтопись С. Дмитрія Ростовскаго».

Въ другой любопытной рукописи, хранящейся при харьковскомъ университетѣ, которая не подписана никѣмъ и называется: «Исто-

А 524836

рія о занятіяхъ И. харьковскаго университета и его учебнаго округа за 1805—1812 года», (№ 28 — непереплетенная, съ золотымъ обрѣзомъ, въ большой листъ, 1½ вершка толщиною) мы нашли многія данныя, относительно народныхъ школъ и вообще первыхъ пріемовъ въ насажденіи науки въ этомъ краѣ. Въ главѣ «о домахъ и перестройкахъ въ нихъ» говорится: «передѣлки для университета были кончены къ сентябрю 1804 года и 4-го сентября въ маломъ домѣ помѣщены были истребованные изъ семинаріи 30 человѣкъ, предназначенные въ студенты казеннокоштные*). Въ рукописи подробно исчислены пособія этимъ лицамъ отъ казны: на два года, мундиръ, шинель, 3 пары сапогъ и 2 головокъ съ починкой на годъ: сюртукъ, жилетъ, халатъ, черный платокъ на шею, 3 платка карманныхъ и пр.**). Далѣе: «По Высочайшему соизволенію синодъ предписалъ архіепископу отпустить изъ бѣлгородской семинаріи и харьковскаго коллегіума въ университетъ по 15 человѣкъ изъ богословскихъ и философскихъ классовъ и по 5 изъ реторики и поэзіи». Но всѣхъ стипендій было устроено 40, а изъ реторики и піитики семинаристы оказались «недостаточно свѣдущими» ***); то принято лишь 30; остальные приняты со стороны. Послѣднихъ рукопись называетъ даже по именамъ: учитель народнаго училища Славинскій; бывшій въ домахъ учитель польскій шляхтичъ Квятковскій и воспитанникъ харьковскаго училища Лобойковъ. — Далѣе: «12 сентября попечитель извѣстилъ, что по волѣ Его Величества государя опредѣлены въ университетъ, на казенное содержаніе двое

*) Описаніе открытія университета помѣщено въ № 13, 1805 года, С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

**) Въ 1805 году студентамъ этимъ отъ казны прибавлены «для танцовальнаго класса башмаки и перчатки, по манишкѣ и на мѣсячные расходы 1 р. 50 к. Содержавшій столомъ студентовъ городовой секретарь Сердюковъ отказался отъ контракта и смѣненъ вентерцемъ Иваномъ Висгителемъ. Денегъ на столъ отпускалось всего по 70 р. асс. на человѣка въ годъ. Вскорѣ и онъ отказался, и студенты взялись сами харчить свои желудки.

***) Въ библіотекѣ харьковскаго университета хранится брошюра: «Наставленія для священно- и церковнослужителей курской и бѣлоградской (харьковской) епархіи, какъ имъ обучать дѣтей въ домахъ своихъ и какихъ въ малыя училища, потомъ въ семинарію принимать» (Харьковъ, 1807 г. въ универс. типограф.). Здѣсь совѣтуется семинаристовъ родителямъ помѣщать на частныхъ общихъ квартирахъ, человѣкъ по десяти, подъ вѣдѣніемъ надзирателя ихъ старшихъ учениковъ, а начальству смотрѣть, чтобы «дѣти принимаемы были не малолѣтнія, *нескуднодаровитыя* и не болѣзненныя». Брошюра безъ имени автора. Очевидно, это посланіе архіепископа къ своей паствѣ.

дѣтей дворянина Занаревскаго; но какъ они по явкѣ въ университетъ оказались наученными *только* читать и писать по-россійски, то комитетъ, давъ имъ студентское содержаніе (?), помѣстилъ ихъ въ харьковское народное училище».

Не меньшаго труда стоило университету вначалѣ привлеченіе и своекоштныхъ студентовъ. Университетъ все заводилъ заново, до мелочей. Такъ онъ переплетчика для Харькова выписалъ изъ Петербурга, именно нѣкоего Ведде, контрактованнаго Каразинымъ*); садовника Цетлера изъ Вѣны (по словамъ рукописи Цетлеръ привезъ съ собою «нѣсколько горшковъ растеній и сѣмянъ)»; типографщикъ Генъ и словолитщикъ Дрегеръ также выписаны изъ Петербурга. Для приглашенія желающихъ поступить въ своекоштные студенты, по словамъ рукописи, «было писано ко всѣмъ губернаторамъ, состоящимъ въ округѣ университета». Комитетъ въ ожиданіи ихъ постановилъ, что поступающій «долженъ быть экзаменованъ *съ снисхожденіемъ*, но «безъ лишняго послабленія», въ знаніяхъ: «россійской грамматики, географіи и исторіи, началахъ логики и метафизики, латинскомъ и французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ». Съ 20 мая по 10 декабря 1804 года, явилось желающихъ 41 человѣкъ, принято 21 и «большая часть ученики харьковскаго главнаго народнаго училища». Потомъ въ это училище были командированы адъюнкты университета (Лангъ, Савиньи и Гамперле) для чтенія въ особой залѣ лекцій, къ приготовленію желающихъ въ университетъ, изъ чего возникъ отдѣльный приготовительный классъ.

Двѣ харьковскихъ школы, такъ называемое главное народное и казенное училища, основанное 1768 г., въ 1804 году назначены были къ слитію въ одно, въ формѣ слободско-украинской гимназіи. Въ проектѣ этого слитія говорилось: «преподававшіяся въ казенномъ народномъ училищѣ артиллерію и фортификацію, дабы угодить дворянству, комитетъ счелъ за нужное удержать и при обра-

*) Рукопись говоритъ, что Каразинъ, имѣя въ виду практическую пользу отъ университета городу и краю, контрактовалъ въ Петербургѣ на счетъ университета ремесленниковъ: каретниковъ, столяровъ, сапожниковъ, кожевниковъ, кузнецовъ, стальныхъ и косныхъ дѣлъ мастеровъ, бронзовщиковъ, горшечниковъ и пр., коимъ въ задатокъ и на проѣздъ выдано было до 12,000 р. Они дѣлали для университета сперва мебель и пр., жили въ университетѣ и частью положили въ Харьковѣ основаніе колоніи нынѣшнихъ его ремесленниковъ; но названная рукопись говоритъ, что вскорѣ университетъ увидѣлъ ихъ негодность, не зналъ, что съ ними дѣлать и отдалъ ихъ подъ вѣдѣніе общей полиціи.

зованіи онаго училища въ гимназію, равно какъ и вокальный классъ». Директоръ училищъ губерніи доносилъ 19-го октября 1804, что народное училище въ Сумахъ «не имѣя постоянной квартиры, ни достаточной суммы для найма подъ оное дома, претерпѣваетъ крайнее безпокойство, такъ что въ теченіе года четыре раза изъ дома въ домъ переведено было». Ноября 11-го 1804 г., профессоръ Тимковскій представилъ комитету, что училища харьковскаго округа весьма нуждаются учебными книгами, по причинѣ трудности ихъ полученія. Предложеніе въ коммиссіонеры «магазейна московскаго купца Матвѣя Глазунова» не было принято.

Самъ университетъ въ 1805 году еще сильно нуждался въ профессорахъ. Въ Венгрію же былъ посланъ для улучшенія своихъ познаній и для найма учителей профессоръ Филиповичъ; по докладу о немъ проф. Стойковича совѣту, какъ говоритъ рукопись «онъ, бывши въ Пестѣ, вдругъ неизвѣстно куда пропалъ». Къ 1806 году однако онъ нанялъ для Харькова въ Венгріи изъ славянъ «учителей девять человѣкъ»*). Университетъ тогда же разсуждалъ о замѣнѣ нѣкоторыхъ «смотрителей училищъ, кои будучи большею частью изъ купеческаго состоянія и отлучаясь по торговымъ дѣламъ изъ городовъ, не могутъ исполнять службы по уставу»; ихъ предполагалось замѣнить людьми на жалованьи отъ казны, что не разрѣшено. Изъ университетскаго архива видно (дѣло №№ 7—167, 1811 г.), что почетные смотрители изъ дворянъ при училищахъ въ губерніи введены съ 1811 года.

Ректоръ университета, Ив. Рижскій, предложилъ въ 1805 году и совѣтъ принялъ: «стараться въ округѣ имѣть учителей *изъ великороссіянъ*, для избѣжанія того, дабы учащіеся *не навыкли неправильному произношенію россійскаго языка*». Слободско-украинскій губернаторъ извѣстилъ университетъ, что «нѣкоторые города могутъ построить небольшіе для училищъ домы изъ *винныхъ доходовъ*, причемъ требовалъ смѣты «каковая составлена для всѣхъ училищъ архитекторомъ Васильевымъ». По словамъ рукописи, въ г. Богодуховѣ тогда училище имѣло свой домъ, подаренный учителемъ Туранскимъ, впрочемъ крайне ветхій. Обыватели казенныхъ волостей богодуховскихъ: Краснокутска, Колонтаева, Рублёвки и Никитина, вызвались сами, въ 1805 году, основать у себя училища и назначили на нихъ

*) Они прибыли въ губернію въ 1806 г.; это были между прочимъ: Павловичъ, Лазичъ, Дудровичъ и Билевичъ.

въ годъ по 150 р. асс.; изъ нихъ 75 р. учителю, 25 священнику и 50 р. на содержаніе дома и учебныя пособія. Рукопись говоритъ, что туда были назначены учителями священники съ причетниками, по волѣ слободско-украинскаго епископа. Рукопись упоминаетъ, что кромѣ народныхъ школъ, въ Харьковѣ къ 1805 году были частные пансіоны: иностранца Гилейна, протоіерея Василія Фотіева и Ольденборгера. Проѣздомъ на Донъ, проф. Тимковскій посѣтилъ въ Изюмѣ училище и донесъ, по обычаю, о ветхости его дома, прибавляя, что изъ учителей его одинъ Ситницкій *съ нуждою* можетъ быть «опредѣленъ учителемъ 1 класса уѣзднаго училища». Стараясь умножить число народныхъ учителей въ училищахъ, университетъ хлопоталъ въ 1805 году увеличить число казеннокоштныхъ студентовъ, что̀ ему не удалось. При названной рукописной исторіи харьковскаго университета приложены «инструкціи профессорамъ, отправляющимся визитаторами въ губерніи округа»: Тимковскому въ курскую, Умлауфу въ полтавскую и черниговскую, Стойковичу въ орловскую, и пр. По пути они ревизовали харьковскую. Во время визитаціи, Умлауфъ и Стойковичъ донесли, что просившіеся черезъ министра въ смотрители училищъ учитель Адамовичъ и флота лейтенантъ Макшеевъ: «Адамовичъ мало способенъ не только къ смотрительскому, но и къ учительскому званію, а Макшеевъ по незнанію наукъ не можетъ быть смотрителемъ». Стойковичъ доносилъ, что въ нѣкоторыхъ училищахъ ученики выучиваютъ наизусть не понимая преподаваемаго имъ». Конкуренціи въ учителяхъ не было почти никакой. Учителя смѣщались только за старостью. Такъ учитель артиллеріи и фортификаціи Николаевъ, въ харьковскомъ училищѣ, исполнялъ свою должность съ 1767 по 1806 годъ, почти 40 лѣтъ, и уволенъ съ полнымъ пансіономъ за старостью и болѣзнью, т. е. съ 360 р. асс. въ годъ. Только въ 1825 году (см. дѣла его архива, № 31) университетъ распорядился «о неопредѣленіи казеннокоштныхъ студентовъ, за дурные поступки и неисправленіе себя въ оныхъ, учителями».

Въ Волчанскѣ въ 1806 г. открыто училище; явилось въ него 28 учениковъ. Въ Лебединѣ было 24. Въ с. Крючикѣ богодуховскаго уѣзда открылъ въ 1806 г. училище помѣщикъ В. Н. Каразинъ, жертвуя по 250 р. асс. въ годъ и обязавши къ тому же завѣщаніемъ и «всѣхъ будущихъ своихъ наслѣдниковъ»; тамъ явилось 20 учениковъ. Его завѣщаніе не исполняется его внуками и наслѣдниками. Въ сентябрѣ докторъ Дюгуръ основалъ пансіонъ въ Харь-

ковѣ для дѣвицъ, на имя жены своей и ея сестры, Оливеръ-Д'Осборнъ, англичанокъ; а въ Ахтыркѣ француженка Вейеръ. Въ уставѣ Дюгура, дѣвицы обязывались приносить пансіону каждая между прочимъ: «серебряную ложку, шести-аршинную скатерть и 6-ть салфетокъ». Обучались здѣсь болѣе «пріятнымъ искусствамъ: шить, играть и проч.

Въ слѣдующіе годы, какъ мы собрали свѣдѣнія изъ общихъ дѣлъ университетскаго архива, въ Харьковѣ открыты частные пансіоны: въ 1807 г. въ домѣ помѣщицы Надоржинской, иностранца Жана-Пьера-Генекена; въ 1815 г. упоминается существующимъ пансіонъ г-жи Нагель; въ 1821 г. выданы свидѣтельства маіору Лемоану и Санбефу; въ 1811 г. былъ открытъ пансіонъ иностранцемъ Жанелемъ; въ 1815 г. содержалъ у себя въ домѣ учениковъ префектъ коллегіума Рейпольскій; въ 1819 г. открыла дѣвичій пансіонъ статская совѣтница Делавинь; въ 1821 г. иностранка Шубертъ; въ 1826 году въ Сумахъ открыла пансіонъ поручица Апостолъ-Кегичъ. Въ 1828 г. былъ въ Харьковѣ пансіонъ Денавера (см. архивъ унив. № 53, 1828 г.).

Въ 1806 году вышло циркулярное предписаніе университета директорамъ округа: «университетъ, узнавъ что нѣкоторые *учители* занимаются переводами на россійскій языкъ книгъ, по большей части избираютъ для того подлинники безъ должнаго вниманія, поручилъ факультетамъ таковыя нужныя книги предназначить».

Въ 1807 году вышло опредѣленіе совѣта университета, по словамъ рукописи, такого содержанія: «отъ студентовъ казеннаго содержанія Концевича, Галкина, Щелкунова и Степурскаго *нельзя надѣяться дальнѣйшихъ успѣховъ*, положилъ: опредѣлить ихъ учителями въ уѣздныя училища; они опредѣлены и отправлены — Концевичъ въ Изюмское, Галкинъ въ Лебединское» и пр.

Въ 1807 году 17-го января издана брошюра, которую мы просмотрѣли въ числѣ болѣе 50 брошюръ и книгъ, изданныхъ университетомъ по случаю его актовъ съ 1805 по 1862 годъ: «Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ годовомъ собраніи И. Х. университета» 1807 г. Здѣсь напечатана рѣчь профессора Ивана Рижскаго, при сложеніи званія ректора «о занятіяхъ университета въ 1805 и 1806 годахъ». Это единственный печатный источникъ, гдѣ на 8-ми страничкахъ мы нашли нѣсколько краткихъ намековъ на отношенія университета къ школамъ его округа. Въ остальныхъ, болѣе чѣмъ 50-ти актовыхъ брошюрахъ его, мы не нашли никакихъ источни-

ковъ для исторіи харьковскихъ и вообще южно-русскихъ школъ. Еще надо сказать, что первые двадцать лѣтъ почти всѣ рѣчи университета произносились на латинскомъ языкѣ. Проф. Рижскій въ названной рѣчи сказалъ (стр. 7): «университетъ не оставлялъ и внѣшнихъ своихъ попеченій объ училищахъ, въ округѣ его: узнать внутреннее состояніе заведеній, коими долженъ управлять, узнать директоровъ, смотрителей, учителей, учащихся, библіотеки, домы, на содержаніе суммы, *расположеніе жителей* къ учебной части; на сей конецъ: требованы отъ директоровъ свѣдѣнія, а для точнѣйшаго изслѣдованія всего на мѣстѣ въ теченіе двухлѣтія шестикратно отправляемы были отъ университета визитаторы, которые объѣхали почти весь округъ. Изъ донесеній визитаторовъ и директоровъ видно было, что многія училища имѣютъ нужду въ учителяхъ, недостаточны книгами и другими пособіями, нѣкоторыя не имѣютъ совсѣмъ или имѣютъ неудобные домы и нуждаются классическими мебелями». Вслѣдъ за этимъ говорится, что все это по мѣрѣ силъ училищамъ доставлялось и что университетъ въ 1805 и 1806 годахъ открылъ въ округѣ: три гимназіи, десять уѣздныхъ, 16-ть приходскихъ училищъ и 5-ть частныхъ пансіоновъ. Повторяемъ: къ сожалѣнію, въ печатныхъ источникахъ, изданныхъ съ 1805 по 1863 годъ университетомъ, которые всѣ мы имѣли подъ рукой и тщательно просмотрѣли, мы не нашли болѣе указаній объ училищахъ округа. Небольшое исключеніе составляетъ брошюра («Рѣчи» и пр. за 1815 и 1816 годы) изданная въ 1818 г., гдѣ помѣщена рѣчь проф. Ивана Каменскаго: «О успѣхахъ просвѣщенія въ округѣ харьковскаго университета». Но здѣсь приводимыя цифры относятся также не къ одной губерніи, а ко всему округу. Проф. Каменскій говоритъ: «Въ 1805 г. всѣхъ учащихся въ гимназіяхъ и училищахъ состояло 3967; но въ 1814 г. оныхъ находилось 7190» и далѣе: «Съ 1806 по 1815 годъ *учителями опредѣлены* (изъ учившихся въ университетѣ) 97 чел. Онъ прибавилъ: «по прошествіи каждаго семилѣтія число учащихся возобновляется, такъ что въ 14-ть лѣтъ кончившихъ ученіе въ училищахъ должно быть до 14,000, слѣдовательно для образованія 10.000,000 (жителей южной Россіи) потребно около 80-ти лѣтъ. *Внуки наши будутъ имѣть счастіе зрѣть событіе сего предугаданія*». Мы, внуки, можемъ на это сказать: много горя вынесъ округъ съ тѣхъ поръ и университетъ не все видѣлъ золотыя грезы въ эти годы, послѣ рѣчи проф. Успенскаго, что увидимъ ниже.

Въ 1808 году, іюня 27, по представленію ректора Рижскаго: «что отправляемые для осмотра училищъ изъ гг. профессоровъ визитаторы, иногда въ теченіе немалаго времени не извѣщаютъ о мѣстѣ своего пребыванія и *чѣмъ занимаются*», положено совѣтомъ, чтобы визитаторы давали о себѣ знать черезъ каждыя три недѣли. 31 октября 1808 года положено: «для доставленія въ училища учителей, знающихъ методъ преподаванія наукъ въ оныхъ» желающимъ занять мѣста учителей ходить въ продолженіе 3 или 4-хъ недѣль въ гимназію или уѣздное харьковское училище «для пріобрѣтенія познанія въ способѣ преподаванія».

Въ 1810 году снова изъ 45 казеннокоштныхъ студентовъ: «два за нерадѣніе къ наукамъ и худое поведеніе исключены и восемь опредѣлены въ учители».

Въ 1811 году, совѣтъ, по предложенію ректора Стойковича: «разсуждая о надобности въ учебныхъ книгахъ для обучающихся въ университетѣ и состоящихъ въ округѣ его *училищахъ*, положилъ на первый разъ печатать: 1) хрестоматію на нѣмецкомъ языкѣ, 2) избранныя рѣчи Цицерона, по-латыни, 3) физику Стойковича, и 4) грамматическій разборъ словъ россійскаго языка, проф. Тимковскаго. Сверхъ того положилъ перевести на россійскій языкъ и отпечатать для употребленія *въ училищахъ*: 1) словарь латинскій Шерера и 2) естественную исторію Миллена.

Г. Каченовскій*) въ замѣткѣ о харьковскомъ и другихъ университетахъ, говоритъ: «Въ силу уставовъ утвержденныхъ Александромъ I, на университеты возложенъ былъ также *надзоръ надъ низшими* учебными заведеніями по округу. Эта обязанность оказалась трудною и стѣснительною для профессоровъ; она отвлекала ихъ отъ главныхъ занятій. По общимъ отзывамъ, дѣла въ училищныхъ комитетахъ шли довольно вяло и не совсѣмъ удачно; въ нѣкоторыхъ даже возникли злоупотребленія. Но тѣмъ не менѣе коллегіальное устройство представляло болѣе твердыя ограды противъ произвола, нежели устройство бюрократическое, которое вообще не такъ удобно прилагается къ дѣлу народнаго образованія».

Въ 1843 году, 30-го августа, въ рѣчи на торжественномъ собраніи университета, г. Из. Срезневскій, говоря объ этомъ вліяніи

*) См. «Замѣчанія на проектъ общаго устава имп. росс. университетовъ» ч. I 1862. Пб. стр. 347.

университета на край и на устройство науки въ немъ, сказалъ *): «Болѣе четверти вѣка былъ университетъ единственнымъ средоточіемъ высшаго образованія во всей полуденной Россіи. Около *250 училищъ* и до сихъ поръ находится подъ его нравственнымъ вліяніемъ; около *2,500 молодыхъ* людей воспиталъ онъ на службу, болѣе 500 воспитателей разослалъ въ разныя учебныя заведенія.... До открытія университета Харьковъ едва походилъ на городъ, не могъ быть сравненъ не только съ Полтавой, Курскомъ, Воронежемъ, но даже съ Бѣлгородомъ, Сумами, а теперь превосходитъ ихъ, собравъ въ себѣ до 40,000 жителей, между тѣмъ, какъ въ 1805 г., до открытія университета, было 8,000 чел., въ пять разъ менѣе. Наука возвысила Харьковъ, какъ промышленность Тулу и Ярославль, какъ торговля Нижній Новгородъ и Одессу.... *Въ немъ* болѣе 4,000 постоянно учащихся, около 500 учащихъ и 19 казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній. Въ немъ нѣтъ почти семьи безъ воспитанника, роднаго или чужаго; «многіе живутъ *только* для воспитанія дѣтей; въ немъ ищутъ воспитателей».

Но обратимся къ другимъ письменнымъ источникамъ.

Дѣла университетскаго архива, которыя мы имѣли подъ рукою, идутъ съ 1805 по 1837 годъ. Здѣсь вся любопытная, часто грустная и комическая и еще чаще поучительная исторія внутренней жизни молодаго университета и его отношеній къ народной грамотности края. Оставя въ сторонѣ другія картины этой жизни, скажу нѣсколько словъ объ отношеніяхъ университета къ народнымъ училищамъ, съ 1805 по 1837 годъ, слѣдовательно за тридцать два первыхъ года его существованія. Просматривая обширныя тетради «*описей общимъ дѣламъ университета*» и «*частныхъ описей дѣламъ университета по дирекціи слободско-украинской* (харьковской) *губерніи*» читатель вполнѣ переносится въ этотъ первоначальный, еще полу-хаотическій періодъ жизни харьковскихъ народныхъ училищъ, благородныхъ пансіоновъ мужескихъ и женскихъ, съ ихъ учителями, чиновниками, визитаторами и пр. и пр. Мы присутствуемъ при усердномъ обдумываніи, университетскаго училищнаго комитета, мѣръ къ насажденію науки въ краѣ. Мы читаемъ въ 1806 г. дѣло «о предписаніи директорамъ, чтобы они донесли, кто изъ учителей можетъ заниматься переводами книгъ»—«о шалостяхъ ученика Маньковскаго»—«о распутной жизни ахтырскаго училища

*) Отчетъ о состоянія универ. за 18$^{42}/_{43}$ годъ, стр. 4—8.

учителя Столпъ—Ратинскаго»—«о неспокойномъ правѣ ахтырскаго учителя Бондарева»;—въ 1807 г. «о чрезвычайныхъ происшествіяхъ, послѣдовавшихъ въ округѣ сего университета въ 1807 году» — «о хожденіи въ церковь ученикамъ въ воскресные и праздничные дни для слушанія литургіи»—«о разсылкѣ по училищамъ округа исторіи Херсона Таврическаго, соч. митрополита Сестренцевича» — «о прилѣжномъ смотрѣніи за учителями, въ разсужденіи ихъ поведенія и нерадѣнія къ должности» — «о ускореніи открытіемъ *двухъ или трехъ* гимназій по харьковскому округу»;—въ 1808 г. дѣло *«о истребованіи* г. ректоромъ отъ директоровъ *въ студенты* университета изъ окончившихъ курсъ ученія учениковъ»;—въ 1809 г. «о починкѣ неизвѣстно кѣмъ побитыхъ стеколъ въ домѣ *благороднаго пансіона»*—«о выстройкѣ валковскимъ городничимъ Бабаевымъ изъ сыраго и неспособнаго дерева для тамошняго училища дома»;—въ 1810 г. «о несходствіи отчетовъ университета съ казенными палатами, за 1807 и 1808 годы»;—въ 1811 году, дѣло, серьезно озаглавленное цифрами архивныхъ номеровъ: 682; 4 и 20. 30: «по отзыву почетнаго члена сего университета г. тайнаго совѣтника и кавалера графа Фостова» (украинское произношеніе фамиліи Хвостова) «съ препровожденіемъ *25 экземпляровъ сочиненія своего»* — «о нахожденіи директора Шредера подъ слѣдствіемъ» — «о самовольной отлучкѣ учителя лебединскаго училища Галкина отъ должности» — «о грубостяхъ учителя Попова сумскому смотрителю Резакову»—«о грубости ученика Артюхова харьковскому учителю Барзину» — «о непринимании просьбъ отъ губернскаго секретаря Осетрова, сужденнаго за разные законопротивные поступки». Въ 1812 году, не смотря на трагическое положеніе Россіи, при университетѣ велись аку́ратно дѣла: «о подтвержденіи по округу университета, дабы учащіе имѣли надзоръ и о нерадящихъ о своей обязанности доносили бы начальству» — «о допущеніи иностранца Генриха Голбейна къ экзамену и о выдачѣ ему свидѣтельства», хотя производились и дѣла: «объ очищеніи изюмскаго училищнаго дома подъ лазаретъ»—и «о несодѣйствіи земскихъ исправниковъ къ открытію приходскихъ школъ по уѣздамъ: валковскому, ахтырскому, волчанскому, богодуховскому, купянскому, изюмскому и зміевскому». Въ 1813 году встрѣчаются дѣла: «по отзыву форшмейстера Печатковскаго, о предписаніи учителю училища Маслову объ отдачѣ ружья, взятаго имъ Печатковскимъ» — «о позволеніи некончившимъ ученіе ученикамъ выдавать свидѣтельства для поступленія въ военную

службу»; тутъ же: «о законопротивныхъ поступкахъ, сдѣланныхъ обывателями слободы Рѣчекъ, Халявою и Пугачевымъ, въ тамошнемъ приходскомъ училищѣ» — «о безпорядкахъ въ Изюмѣ и Купянскѣ» — «о нерадѣніи помощника учителя нижнесыроватскаго училища діакона Олейникова». Въ 1814 г. встрѣчаются дѣла «о визитаціи проф. Успенскаго уѣздныхъ училищъ губерніи»—«о *взысканіи съ учителей*, кто имѣетъ у себя на дому пансіонеровъ, пятипроцентныхъ денегъ и объ отсылкѣ ихъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія» и рядомъ: «*о невзысканіи* пятипроцентныхъ денегъ за приватное обученіе *священно и церковно-служителей* дѣтей прихожанъ своихъ» — а еще далѣе, какъ бы въ видѣ протеста бѣдныхъ свѣтскихъ учителей противъ этого пониженія тарифа на науку въ домахъ церковниковъ, «дѣло *о нехожденіи* учителей училищъ въ классы» и въ концѣ года: «о *подтвержденіи* учителямъ, *дабы они необращалися въ пянствѣ*» (мѣстное произношеніе слова пьянство) — тутъ же: «о вытѣсненіи смотрителемъ изюмскаго училища Золотаревымъ учителя того училища Башинскаго изъ училищнаго флигеля»;—въ 1815 г. «о разрѣшеніи визитаторамъ училищъ употреблять, сверхъ прогонныхъ денегъ, на наемъ квартиры и починку экипажей, по 2 процента на версту»;— въ 1816 г. «о дозволеніи употреблять *на похороны* (поправлено рукою того времени: на погребеніе) бѣдныхъ чиновниковъ по учебной части до 100 р. асс.» — «о позволеніи передѣлать *печку* въ зміевскомъ училищѣ»—(дѣло на 4 листахъ);—«въ 1817 г. «о установленіи *платежа* за ученіе съ учащихся въ народныхъ училищахъ» — «по предложенію попечителя гр. Потоцкаго, *не пожелаетъ ли* университетъ получать *военныя вѣдомости*»—«чтобы директоры училищъ выписывали для уѣздныхъ училищъ украинскій вѣстникъ» — «о позволеніи перекрыть и окрасить на ахтырскомъ училищѣ крышу» (дѣло на 88 листахъ). Въ 1818 г. «о томъ, чтобы при опредѣленіи къ должностямъ директорскимъ и смотрительскимъ *брать обезпеченіе*» — «о томъ, чтобы учители естественныхъ наукъ доставляли въ университетъ каждогодно сѣмена разныхъ видовъ растеній и чучела животныхъ»; — въ 1819 г. «дабы *пансіоносодержатели* не осмѣливались *поносить* другихъ пансіоновъ и публичныхъ учебныхъ заведеній»—«чтобы учители отнюдь не искали себѣ наградъ мимо мѣстнаго начальства» — «о сдѣланіи учителю харьковскаго училища Зимницкому выговора за *непозволительныя наказанія учениковъ*» — «о позволеніи смотрителю зміевскаго учили-

ща Романовскому предать ледникъ» (дѣло на 5 листахъ); — «о строгомъ выговорѣ купянскому учителю Малинину, за наказаніе учениковъ»—и «объ оставленіи безъ взысканія съ имѣнія бывшаго штатнаго смотрителя Ломаковскаго растраченной училищной суммы 1323 р. 55¼ к.». Съ 1820 года мелочность распоряженій еще болѣе одолѣваетъ университетъ. Безпорядки въ народныхъ училищахъ растутъ вмѣстѣ съ ними. Въ этомъ году мы находимъ обширное дѣло: «о прекращеніи безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ»;—въ 1821 г. университетъ снова прибѣгнулъ къ «визитаціи учебныхъ заведеній»—тутъ же возникло шумное дѣло, изъ пустяковъ, разумѣется: «о выведеніи изъ употребленія книги естественное право, проф. Куницына»—и еще: «о невозможности освободить домовъ почетныхъ смотрителей училищъ отъ военнаго постоя»; — въ 1822 г. «о неопредѣленіи (*«таковыхъ не опредѣлять»*) отпущеннаго на волю Родіонова учителемъ музыки» — «объ обидѣ, причиненной волчанскою градскою полиціею смотрителю училища Савинову»—«о покупкѣ астролябій для змієвскаго училища, въ чемъ отказано, *а позволено* сдѣлать 4 доски и другія мебели»—«о случившейся ссорѣ между учителями сумскаго училища и о перемѣщеніи ихъ въ другія мѣста» (на 163 листахъ); «по указу сената, объ обращеніи *въ первобытное состояніе* людей податныхъ сословій, въ случаѣ выбытія ихъ изъ службы до оберъ-офицерскаго чина; — въ 1824 г. «о препровожденіи образцовъ молитвъ, которыя читать предъ начатіемъ и по окончаніи ученія»—«чтобы въ мужскихъ пансіонахъ былъ преподаваемъ латинскій языкъ, а въ харьковскомъ училищѣ дѣвицъ *болѣе* занимались *рукодѣліемъ* и домашнимъ хозяйствомъ» — «о томъ, чтобы всѣ казенныя мѣста и лица, кромѣ адмиралтейства, нужныя для нихъ *чугунныя вещи* покупали въ казенной лавкѣ въ С. Петербургѣ» (чугунъ-то! какъ дешево онъ обходился, значитъ, въ Харьковѣ, при провозѣ каждаго пуда за 1500 верстъ съ береговъ Невы!)—тутъ же «о непечатаніи чиновниками училищъ извѣстій *о поступкахъ своихъ по службѣ*, безъ дозволенія начальства, сверхъ обыкновенной цензуры». Впрочемъ, въ 1824 году еще видно усиліе университета отстоять свою разумную самостоятельность; подъ № 7, мы нашли въ этомъ году дѣло, на 23 листахъ: «объ освобожденіи учителя закона божія Гевлича отъ излишнихъ требованій духовнаго начальства». Въ 1821 г. есть дѣло «о подпискѣ *желающихъ*, не пожелаетъ-ли кто взять *портретъ* г. министра народнаго просвѣщенія» (въ томъ же году бѣднякамъ

учителямъ дѣлался вызовъ подписываться на сооруженіе памятника Дмитрію Донскому, на Куликовомъ полѣ, и Ломоносову—неизвѣстно гдѣ) и дѣло: «объ обидѣ надзирателя славянскаго училища Петренка Трояновымъ»;—въ 1826 г. «о непомѣщеніи безъ дозволенія попечителя въ газетахъ никакихъ статей о происходившихъ торжествахъ въ учебныхъ заведеніяхъ»;—въ 1828 году: «о сгорѣвшихъ училищныхъ домахъ: новозыбковскомъ, никитовскомъ и лохвицкомъ» — «объ обращеніи въ податное состояніе бывшаго учителя обоянскаго училища Саламахи»—«объ обидѣ пансіоно-содержателя Денавера Павлу Зарину» — тутъ же начались сношенія, съ кѣмъ слѣдуетъ, директоровъ о знаменитыхъ *«кантонистахъ»*—«объ упадкѣ училищъ, чрезъ неотпускъ на содержаніе ихъ суммъ *отъ обществъ»* (въ это время уже во всемъ разгарѣ были дѣйствія правительства объ окончательной передѣлкѣ вольныхъ селъ въ губерніи въ военныя поселенія)—начались даже такія дѣла: *«о позволеніи* подѣлать зимнія окна въ домѣ сумскаго училища» (на 7 листахъ)—«о бѣжавшихъ двухъ воспитанникахъ, Добровѣровѣ и Добросельскомъ»;—въ 1830 г. «объ ученикахъ, исключенныхъ изъ учебныхъ заведеній»—«о нанесенной смотрителю волчанскаго училища Савину сотскимъ Свергуномъ обидѣ»;—въ 1831 г. «о сдѣланіи двухъ подсвѣчниковъ и двухъ умывальницъ»; — въ 1832 г. «чтобы представленія о разрѣшеніи на подѣлки и починки въ училищныхъ зданіяхъ дѣлались *съ начала весны»* — въ 1832 г. «о томъ, чтобы набивка льдомъ ледниковъ, при заведеніяхъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ воспитанниковъ, отнюдь не была производима на счетъ училищныхъ суммъ» — «о мѣрахъ *противъ умноженія* пансіоновъ и частныхъ заведеній»—«о воспрещеніи обучать въ уѣздныхъ училищахъ *кантонистовъ*, при родственникахъ, на воспитаніи находящихся»—«о *побѣгѣ* ученика Пущина»—«о ссорѣ между изюмскою повивальною бабкою и женою штатнаго смотрителя Пупыкина» — «объ увольненіи профессора Чапова отъ должности директора училищъ *)». Въ 1834 году мы просмотрѣли дѣла: «*о недопусканіи* приходящихъ учениковъ въ училища, *буде* они не имѣютъ нужныхъ для нихъ книгъ» — «о поступленіи съ старобѣльскимъ учителемъ Скопцовымъ по законамъ, за составленіе имъ свободнымъ хлѣбопашцамъ бѣлокуракин-

*) Тотъ самый изъ *частныхъ приставовъ* Чаповъ, который, по словамъ г. Каченовскаго, былъ по протекціи тогдашняго попечителя назначенъ профессоромъ философіи въ харьковскомъ университетѣ. Значитъ, онъ былъ еще и директоромъ народныхъ училищъ....

ской волости прошенія»—«о *воспрещеніи* солдатскимъ дѣтямъ обучаться въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, что́ до дѣтей *женскаго* пола не относится» — «о продажѣ старой избы и о сдѣланіи забора около пустаго мѣста при зміевскомъ училищѣ» (дѣло № 32 на 20 листахъ);—въ 1835 г. «о томъ, чтобы училищный комитетъ не входилъ къ его сіятельству г. попечителю съ своими представленіями»—«о представленіи подписокъ съ уѣздныхъ учителей, опредѣляемыхъ къ должностямъ, что они не принадлежатъ къ тайнымъ обществамъ» — «о содержаніи дѣвицею Лейгони женскаго пансіона безъ разрѣшенія начальства»; — въ 1836 г. «съ препровожденіемъ въ дирекцію училищъ дѣла о взятой смотрителемъ изюмскаго училища Катанскимъ изъ библіотеки онаго книги: Сводъ законовъ». Въ 1837 году, послѣднемъ въ періодѣ вліятельныхъ отношеній университета къ народнымъ школамъ, годовой отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній его округа заключалъ уже 1022 листа....

Въ «*Южномъ сборникѣ*» (учено-литературный журналъ, изд. Н. Максимова, № 10, 1859 г. Одесса) напечатаны въ высшей степени любопытныя «воспоминанія профессора Роммеля о своемъ времени, Харьковѣ и харьковскомъ университетѣ» съ 1811 по 1815 г. въ переводѣ г. Я. Баляскаго съ подлинника, изданнаго въ 5 томѣ извѣстнаго собранія Бюлау: «Geheime Geschichten und räthselhafte Märchen». Нельзя не пожалѣть, что наша литература представляетъ такъ мало подобныхъ мемуаровъ. Покойный Роммель (+ 1859 г.) приводитъ кучу анекдотовъ о профессорахъ, былыхъ своихъ товарищахъ, рисуетъ смѣло картину первыхъ насажденій науки въ краѣ. Въ Харьковѣ, между прочимъ, до того тогда грязномъ, что профессора вынуждены были учредить для студентовъ «грязные каникулы» (feriae luti) — въ 1811 году въ отношеніи къ наукѣ былъ еще совершенный хаосъ. «Все это (устройство школъ)» говоритъ Роммель «было въ какомъ-то хаотическомъ состояніи, напоминавшемъ времена св. Винфрида и его учениковъ Штурма и Лулля. Отдѣльнымъ учрежденіемъ былъ *училищный* комитетъ, изъ шести ординарныхъ профессоровъ, по выбору; члены его отряжались для обозрѣнія гимназій и уѣздныхъ училищъ и на время отсутствія замѣнялись, при чтеніи лекцій, адъюнктами». Описывая научныя командировки профессоровъ, Роммель, при очеркѣ своей поѣздки въ Славянскъ, говоритъ: (стр. 49). «Постоялыхъ дворовъ не существовало; ихъ замѣняло украинское гостепріимство; издержекъ на пищу почти не было; за то всякая починка повозки или саней тре-

бовала много веревокъ; поэтому, не задумываясь, ставили на порванныя веревки страшно высокіе счеты». Уѣздныя училища тогда едва возникали, причемъ украинскіе помѣщики, финансовые основатели университета, показали много патріотизма; дворянство взяло на себя содержаніе училищныхъ зданій, а священники первое недалекое преподованіе». Дворянская молодежь, по словамъ Роммеля (стр. 45), «смотрѣла на занятія, какъ на ступень къ высшимъ чинамъ по службѣ; студенты, уже не молодые, изъ окрестныхъ дворянъ, поступившіе съ тѣмъ, чтобы выдержать особенный экзаменъ для повышенія въ чинахъ, были подчинены нелѣпой, почти военной дисциплинѣ». «Въ качествѣ члена училищнаго комитета, говоритъ Роммель, я открылъ два главные недостатка: нравственную порчу учениковъ, которые были въ постоянномъ заговорѣ противъ учителей, и чрезмѣрное самоуправство директоровъ гимназіи, больше выслужившихся и полуграмотныхъ офицеровъ военной и даже морской службы». Дѣлая намеки на «обкрадываніе казны» даже членами университета, Роммель съ горечью рисуетъ физіономіи профессоровъ, этихъ членовъ тогдашняго училищнаго комитета. «Успенскій былъ русскій крючекъ; по должности синдика, онъ умѣлъ толковать указы вкривь и вкось.... Всѣ эти господа отличались большимъ притворствомъ и хитростью. Въ засѣданіяхъ, хладнокровно и зорко слѣдили они за ходомъ споровъ, ловили каждое слово иностранцевъ, не всегда разборчивыхъ на выраженія, и умѣли пользоваться минутою, когда кто-нибудь изъ нихъ, въ пылу спора, увлекался открытымъ выраженіемъ своего мнѣнія. Тотчасъ же изъ ихъ фаланги поднимался голосъ: «въ протоколъ записать»! — «*довести до свѣдѣнія начальства*»! «Всегдашнею ихъ тактикою было: представить неосторожнаго вольнодумцемъ, врагомъ порядка и правительства. И это они называли: служить вѣрою и правдою»! Отъ этого профессоръ Шадъ «однажды въ совѣщаніи до того забылся, что сказалъ: «вы всѣ холопы!» На него впослѣдствіи былъ сдѣланъ доносъ; лекціи метафизики по Шеллингу выданы за атеизмъ. Его препроводили изъ Харькова до границы и онъ кончилъ несчастную жизнь въ Іенѣ, гдѣ Гете и Шиллеръ приняли его и поручили вниманію русскаго посланника. Въ 1817 г. у него была мысль издать записки о всѣхъ пережитыхъ имъ на Руси несправедливостяхъ и скандалахъ, но *крайняя нищета* заставила его, незадолго до смерти, продать свою тайну: — русскому посланнику въ Берлинѣ, Алопеусу».

Рекомендуемъ будущему составителю исторіи харьковскаго университета наивныя и искреннія воспоминанія Роммеля. Мы касаемся внутренней жизни университета только со стороны его отношеній къ школамъ въ губерніи. Но и изъ тѣхъ источниковъ, печатныхъ и рукописныхъ, которые удалось намъ добыть и прослѣдить по этому случаю, видно, какое богатое поприще можетъ предстоять тому, кто взялся бы написать названную исторію харьковскаго университета.

Мы представили отрывки изъ печатныхъ источниковъ для очерка исторіи народныхъ школъ въ губерніи и указанія на дѣла, хранящіяся по этому поводу въ университетскомъ архивѣ. Изъ сжатаго очерка этихъ дѣлъ, съ 1805 по 1837 годъ, читатель могъ уже себѣ составить понятіе о самыхъ дѣлахъ. Мы имѣли терпѣніе просмотрѣть самыя дѣла, сдѣлать изъ нихъ много выписокъ и, принося нашу усердную благодарность начальству университета и его архиваріусу (г. Василенкѣ), передаемъ здѣсь то, что мы добыли не безъ труда изъ ближайшаго источника для узнанія былой жизни школъ, придерживаясь и здѣсь, какъ всегда, подлинныхъ словъ рукописныхъ матеріаловъ. Читатель, вѣроятно, оцѣнитъ нашу цѣль и, повторяемъ, простя намъ сухость этой части нашего труда, отдастъ должное нашей правдивости.

Надо очутиться въ провинціи, хотя бы и въ одномъ изъ оживленныхъ университетскихъ городовъ, чтобы понять всю трудность отысканія какихъ нибудь правдивыхъ свѣдѣній. Самые архивы въ южно-русскихъ (да вѣроятно и въ сѣверныхъ) городахъ представляютъ неудобства для занятій въ нихъ болѣе, чѣмъ сколько ихъ встрѣчалъ Лейардъ въ раскапыванія древностей Вавилона и Ниневіи въ Малой Азіи. Такъ напримѣръ, въ одинъ изъ архивовъ бывшихъ харьковскихъ военныхъ поселеній въ селѣ Андреевкѣ, гдѣ я началъ было читать дѣла упраздненныхъ недавно кантонистскихъ школъ, любопытнѣйшія по нѣкоторымъ грустнымъ сторонамъ прошлой нашей жизни, гг. чиновники, пріѣхавшіе изъ Петербурга для сожженія *лишнихъ дѣлъ* этого архива, не допустили меня туда потому только, что о моей скромной личности никто ихъ не извѣщалъ ни откуда. Въ университетскій же архивъ въ Харьковѣ такъ рѣдко навѣдываются любопытствующіе смертные, что въ началѣ моихъ занятій его сторожъ пропустилъ было туда меня и г. архиваріуса, и когда послѣдній, давно приведшій архивъ въ замѣчательный порядокъ, остался тамъ по моей просьбѣ долѣе обыкновен-

наго, сторожъ его заперъ тамъ, взялъ ключь и ушелъ въ гости, такъ что г. архиваріусу могла грозить голодная смерть въ одинокихъ комнатахъ архива, надъ университетскою церковью, еслибы я не воротился въ тотъ же день къ архиву за одною нужною справкой.

Изъ рукописнаго отчета объ учебныхъ заведеніяхъ харьковскаго округа (дѣло архива на 127 листахъ) за 1806 годъ видно, что въ Харьковѣ, 2-го февраля 1768 года, открыто *казенное училище*, въ 1789 году открыто *главное* и при немъ *малое народное училище*, которыя въ 1798 году марта 1-го «соединены во-едино» а въ 1805 году сентября 3-го преобразованы въ гимназію. При ней въ 1806 году книгъ было на разныхъ языкахъ 2,297, и сверхъ того книгъ для продажи на 314 руб. 14½ коп. Изъ того же отчета видно, что уѣздныя училища открыты съ 1805—1806 годъ: въ Богодуховѣ было съ 1793 года—малое народное, съ 1806 уѣздное—при немъ книгъ 61 и между прочимъ упоминается «мѣдная зрительная труба»; въ Ахтыркѣ съ 1790 года было также малое народное и при немъ въ 1806 году «12-ть книгъ»; въ Сумахъ малое народное съ 1790 года, гдѣ въ 1806 году считалось 62 книги; въ Валкахъ уѣздное съ 1802 года, въ самомъ Харьковѣ уѣздное съ 1805 года; въ Волчанскѣ и Лебединѣ съ 1806 года прямо уѣздныя; въ Изюмѣ съ 1790 года народное. Въ этихъ училищахъ смотрители были: въ Валкахъ уѣздный казначей, въ Изюмѣ, Лебединѣ городничіе, въ остальныхъ особые, съ жалованьемъ отъ 44 до 66 руб.; въ одномъ харьковскомъ смотритель получалъ 207 руб. жалованья въ годъ. Въ графѣ домовъ и вообще училищнаго имущества стоитъ вездѣ: «собственнаго имущества не имѣется». По слободско-украинской (теперь харьковской) губерніи въ 1806 года всего училищнаго прихода было: 31,114 руб.; расходу: 18,636 руб.; въ остаткѣ 12,478 руб.; въ числѣ прихода частными лицами пожертвовано только 40 руб. Сверхъ того отъ прежнихъ экономій, пожертвованія г-жи Суревцовой и другихъ казенныхъ капитальныхъ источниковъ было въ приходѣ за училищами къ 1806 года: 55,765 руб. О числѣ учениковъ въ названномъ отчетѣ указаній мы не нашли.

Въ 1810 году, по журналу училищнаго комитета, передано предписаніе по округу о доставленіи, по желанію министра просвѣщенія, болѣе подробныхъ свѣдѣній о школахъ и о числѣ учениковъ, но мы свѣдѣній этихъ и въ томъ году не нашли въ архивѣ.

Въ 1814 году въ дѣлѣ о визитаціи профессоромъ Успенскимъ заведеній округа (150 листовъ) говорится: «нѣкоторые изъ учи-

телей харьковскаго округа, вмѣсто объясненія науки, преподаваемой ученикамъ, проводятъ время въ диктованіи собственныхъ выписокъ, чрезъ что теряется время». Въ *зміевскомъ* училищѣ визитаторъ нашелъ 39 учениковъ. «Учители поздно приходятъ въ классы, нерѣдко совсѣмъ не бываютъ, уѣзжая иногда безъ вѣдома смотрителя изъ города. Есть примѣтная къ заведенію сему неблагорасположенность простыхъ здѣшнихъ жителей; между учащимися — только одинъ крестьянскій сынъ, прочіе суть дѣти служащихъ и дворянъ; изъ купечества же и быть некому: во всемъ городѣ два купца» — «огорожа училища ветха и безобразитъ улицу; въ главную улицу выдаются амбаръ и сарай». Въ *изюмскомъ* профессоръ Успенскій нашелъ 61 ученика и 4 ученицъ; «успѣхи посредственные; пишутъ особливо весьма худо». «По несогласію учителей съ г. Золотаревымъ, смотрителемъ, лучшіе изъ жителей заведеніе сіе совершенно презираютъ, предпочитая отдавать дѣтей церковникамъ и приказнымъ служителямъ». Въ *купянскомъ* было: 59 учениковъ и 13-ть ученицъ. Успенскій говоритъ: «Учитель Астрелинъ вредитъ училищу частыми отлучками; я его тамъ также не засталъ. По увѣренію гражданъ и при должности мало занимается, а особливо съ того времени, какъ прислано туда нѣкоторое число польскихъ чиновниковъ, съ коими онъ по большей части и обращается». «Смотритель Ломаковскій съ учениками ходитъ въ церковь, гдѣ обывательскихъ дѣтей заставляетъ читать (апостолъ и молитвы), а которые умѣютъ — пѣть, что особливо простымъ поселянамъ очень нравится». Въ *волчанскомъ* было: 63 ученика; успѣхи очень посредственные. Въ *сумскомъ* было 49 учениковъ и 2 ученицы. Успенскій выразился: «сумское уѣздное училище я почитаю лучшимъ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ здѣшней губерніи» — «по попечительности смотрителя Резанова и учителя Маслова». Учениковъ тамъ тогда найдено: 113, изъ нихъ дворянскихъ дѣтей 59, купеческихъ и мѣщанскихъ 25-ть человѣкъ. Въ *лебединскомъ* найдено: 49 учениковъ «смотритель Иваненковъ живетъ въ деревнѣ въ 7-ми верстахъ отъ города; не смотря на 10,000 жителей города, обыватели къ заведенію мало имѣютъ довѣрія» — Въ *ахтырскомъ* найдено 50 учениковъ «въ томъ числѣ 2 дѣвицы». «Смотритель живетъ въ деревнѣ; собраній учителей у него для педагогическихъ совѣщаній не бываетъ». Въ *богодуховскомъ* найдено 74 ученика. «Учитель Линицкій весьма не прилежно занимается; многіе ученики, пробывъ у него два года, ненаучились знать даже наименованія буквъ». —

Въ графѣ общихъ замѣчаній Успенскій говоритъ: «Ни въ одномъ изъ училищъ ученики не умѣютъ даже порядочно сидѣть и держать ни пера, ни бумаги». Къ отчету приложены: жалобное «доношеніе» изюмскаго учителя Башинскаго и «доносъ» изюмскаго учителя Ярославскаго, по ссорѣ ихъ съ смотрителемъ; также: образцы чистописанія учениковъ (прописи — Діогенъ и Александръ Македонскій по-русски, и какая-то латинская; начало ея: «Asinus transit», и пр.). Итого въ 1814 году въ уѣздныхъ училищахъ губерніи было 557 учениковъ и только 8 ученицъ.

Въ 1816 году профессоръ Успенскій предложилъ университету: «при посылкѣ визитаторовъ въ училища избѣгать иностранныхъ профессоровъ университета, коимъ даются при этомъ приказные служители или студенты. Незнающій россійскаго языка профессоръ долженъ будетъ и видѣть и слышать чужими глазами и ушами, и притомъ неопытными; а студентъ радъ воспользоваться случаемъ, избѣгая занятій своихъ по университету». Совѣтуетъ визитаторамъ: «изъ вопросовъ учителей ученикамъ, замѣчать способности тѣхъ и другихъ».

По вѣдомости о состояніи учебныхъ заведеній харьковскихъ въ 1821 году, значится: въ гимназіи учениковъ 227, въ уѣздныхъ училищахъ: харьковскомъ 99, богодуховскомъ 77, ахтырскомъ 95, лебединскомъ 63, сумскомъ 103, валковскомъ 60, волчанскомъ 48, зміевскомъ 60, купянскомъ 41 и въ изюмскомъ 77. Итого въ уѣздныхъ училищахъ губерніи было въ 1821 году 723 ученика; черезъ семь лѣтъ, съ 1814 года прибыло 166 учениковъ.

Въ это время мы находимъ уже слѣды и *приходскихъ училищъ* въ губерніи; въ харьковскомъ уѣздѣ: въ селѣ Деркачахъ 22 ученика, въ Ольшанѣ 24, въ Липцахъ 12; въ богодуховскомъ уѣздѣ: въ селѣ Крючикѣ, съ 1804 года, (В. Н. Каразина) 33, въ Калантаевѣ 19, въ Краснокутскѣ 37, въ Никитовѣ 17; въ сѣнняпскомъ значились въ отчетѣ: учитель, помощникъ и надзиратель, а въ графѣ учениковъ сказано: «нѣтъ учениковъ»; въ ахтырскомъ уѣздѣ, въ селѣ Боромлѣ 56, въ селѣ Котельвѣ 20; въ лебединскомъ въ г. Недригайловѣ (съ 1811 года) 22. Въ сумскомъ: въ Бѣлопольи, ворожбянскомъ, климовскомъ, рѣчанскомъ, вышесыроватскомъ и чернечинскомъ значились вездѣ учитель, помощникъ и надзиратель, съ отмѣткой: «учениковъ не имѣется»; въ прорубскомъ 14, стеуковскомъ 21, въ нижнесыроватскомъ (съ 1812 года) 45 и въ тимофеевскомъ (съ 1812 года) 13. Въ валковскомъ уѣздѣ: въ с. Новой-

Водолагѣ и Коломакѣ значатся учителя и надзиратели, но безъ учениковъ; въ купянскомъ, въ топольскомъ училищѣ значится 6 учениковъ, въ изюмскомъ: въ Славянскѣ 30. Итого въ сельскихъ училищахъ числилось въ 1821 году 391 ученикъ. — Нельзя не принять къ свѣдѣнію и частныхъ пансіоновъ въ Харьковѣ, гдѣ въ 1821 году значилось учениковъ: въ пансіонѣ Коваленкова 49, Рейпольскаго 26, Адольфа Роберти 27, Михаила Робуша 39; итого 141 ученикъ. Въ женскихъ: Делавинь 44, Анны Нагель 27 и въ харьковскомъ училищѣ дѣвицъ 22; итого 93. Слѣдовательно съ учениками гимназій, въ училищахъ губерніи въ 1821 году было 1,575 учащихся.

Въ отчетѣ за 1823 годъ мы нашли цифры почти тѣ же. Прибавился частный женскій пансіонъ иностранки Дарьи Шубертъ. Въ уѣздныхъ училищахъ учениковъ прибавилось; общая цифра ихъ стала 165. За то во всемъ харьковскомъ уѣздѣ въ приходскихъ «по не отпуску на содержаніе ихъ отъ обществъ суммъ, ученія въ теченіи года не было».

Въ декабрѣ 1828 года ревизоръ Павелъ Шеншинъ нашелъ училища волчанскаго уѣзда въ наилучшемъ состояніи. По отчету за 1829 годъ оказывается: прибавились въ Харьковѣ пансіоны Ольденборгера, съ 49 учениками, Зимницкаго 20, майорши Прелато 33, коллежской регистраторши Бирихъ 34, иностранки Кроль 12, и въ Ахтыркѣ подполковницы Захаровой 31.

За другіе годы отчетовъ въ архивахъ до 1829 года мы не нашли. Въ этомъ году въ харьковской гимназіи было 329 учениковъ, въ сумскомъ уѣздномъ училищѣ 139, въ купянскомъ 98 (противъ 1821 года вдвое). За то большая часть приходскихъ училищъ были закрыты, по неимѣнію суммъ на содержаніе. Всего было закрыто въ 1829 году 22 приходскихъ училища. Бумаги отчетовъ этого года всѣ проткнуты, по случаю карантиновъ.

По отчету 1830 года, въ уѣздныхъ училищахъ *выбыло* кончившихъ ученіе: въ харьковскомъ 26, богодуховскомъ 8, ахтырскомъ 7, лебединскомъ 10, сумскомъ 10, валковскомъ 12, волчанскомъ 5, зміевскомъ 10, купянскомъ 9, изюмскомъ 7, и старобѣльскомъ 6. — Приходскихъ было закрыто 5 училищъ. — Изъ гимназіи вышло кончившихъ курсъ 35, некончившихъ 19; всѣхъ было учениковъ320. — Въ 1831 году перемѣны почти не было. — Въ 1832 году въ отчетѣ прибавился рапортъ директора училищъ Чанова о состояніи «бабаевскаго училища взаимнаго обученія» *въ с. Бабаяхъ въ домѣ по-*

мѣщика Александра Щербинина, гдѣ оказались 1 учитель, 19 учениковъ помѣщичьихъ крестьянъ и 2 ученика стороннихъ хлѣбопашцевъ; больше указаній на эту школу въ архивѣ мы не нашли. Въ это время за то школы кіевскія, бывшія въ вѣдѣніи харьковскаго округа, представляли самые подробные отчеты. — За 1833 годъ въ архивѣ мы нашли новый отчетъ о «школѣ при харьковской евангелической церкви» гдѣ значится: «начала образоваться съ 1827 г. на счетъ пастора той церкви Розенштрауха, — учителей 4, учащихся 25; ученіе по-нѣмецки». — 1832 годъ вообще перемѣнъ въ составѣ училищъ не представляетъ, какъ видно изъ полнаго отчета дирекціи. Въ харьковской гимназіи въ 1832 г. было 357 учениковъ; изъ нихъ кончило курсъ 57, безъ аттестатовъ выбыло 26; — въ 1833 г. мы уже находимъ 366 учениковъ, изъ нихъ вольноприходящихъ 279. А всего въ 1833 году находимъ въ губерніи: учащихъ 220, чиновниковъ при училищахъ 46; учениковъ училищъ и гимназіи: 1801, ученицъ 131; итого 1932 учащихся. Противъ 1821 года (черезъ 12 лѣтъ) прибавилось 357 учащихся.

Въ особой вѣдомости о дѣлахъ училищъ по губерніи за 1833 и 1834 г. (заключающей 103 листа) оказывается: уѣздныхъ училищъ въ губерніи было за эти два года 11, приходскихъ 18, 1 гимназія и частныхъ пансіоновъ 8. — Вышло учениковъ изъ этихъ заведеній 448, изъ нихъ кончило курсъ 126, не кончило 220, исключено 2. Поступило вновь къ 1834 году 472, изъ нихъ: дворянъ 115, оберъ-офицерскихъ дѣтей 131, купеческихъ 76, мѣщанъ 36, вольноотпущенныхъ и разночинцевъ 114. — Число всѣхъ учащихся въ губерніи было: 1402, менѣе противъ 1833 года 530 учащимися; изъ нихъ дворянъ 340, купцовъ 93, мѣщанъ 205, войсковыхъ обывателей 165, и пр. — По гимназіи отмѣтка: оказавшихъ успѣхи въ наукахъ 776, посредственнаго старанія 478, поведенія хорошаго 881, посредственнаго 430. — На лицо было постоянно около 280 ч. Книгъ въ учебныхъ заведеніяхъ считалось 2136, 7925 томовъ. — «Изъ чиновниковъ и преподавателей, сверхъ своей должности, никто въ губерніи не занимался учебными трудами въ училищахъ». — Распродано книгъ учебныхъ черезъ дирекцію губерніи на 7,002 р. 59½ к. Въ общихъ замѣчаніяхъ, въ концѣ отчета, сказано: «лучшими въ губерніи училищами считаются: волчанское, купянское, зміевское, старобѣльское, лебединское и сумское; по числу учащихся лучшими: харьковское, сумское, богодуховское, зміевское, изюмское, волчанское, лебединское и ахтырское». — Еще сказано, что

изъ низшаго отдѣленія 1 класса харьковскаго уѣзднаго училища, съ 1 апрѣля 1834 года, образована школа взаимнаго обученія, содержимая на счетъ городской думы, гдѣ было 75 учениковъ. — Въ богодуховскомъ уѣздѣ оказывается новое приходское училище, въ с. Каплуновкѣ, съ отмѣткой: «основано помѣщикомъ Осиповымъ, въ 1822 г., на свой счетъ». — Отчетъ за 1835 годъ послѣдній въ архивѣ училищнаго комитета и мало разнится отъ отчета за 1834 г. Число всѣхъ учащихся къ 1836 году въ губерніи въ училищахъ было 1539; изъ нихъ, по словамъ отчета, *помѣщичьихъ крестьянъ 119*, иностранцевъ 7, дворянъ 476, купцовъ 146, мѣщанъ 136, войсковыхъ обывателей 210. — «Изъ чиновниковъ и преподавателей (тамже) сверхъ своей должности никто учеными трудами не занимался». — Распродано книгъ училищами на 4504 р. 92½ к. Исходящихъ бумагъ по дирекціи училищъ слободско-украинской губерніи въ 1835 году было: 5418.

Но вернемся еще къ нѣскольскимъ чертамъ прошлой училищной жизни въ губерніи.

Въ архивѣ хранится дѣло (№ 369) 1808 года о веденіи учителями харьковскихъ училищъ «историческихъ, топографическихъ, метеорологическихъ и статистическихъ наблюденій». Нѣкоторые извѣщали поэтому о разныхъ разностяхъ: «о юго-западномъ жестокомъ вѣтрѣ, съ наивеличайшимъ градомъ, выбившимъ сто шесть стеколъ, какое происшествіе случилося во многихъ казенныхъ и партикулярныхъ домахъ» — «примѣчена на небѣ южно-западной стороны комета, имѣющая хвостъ къ югу, тускла, противъ большой медвѣдицы» и пр. и пр.

Мы нашли отчетъ о харьковскихъ училищахъ и числѣ всѣхъ учениковъ во всѣхъ ихъ, съ 1800 по 1806 годъ. Оказывается (дѣло № 105, 1806 г.) изъ него, что учениковъ было во всѣхъ уѣздахъ губерніи:

	дворянъ		разночинцевъ		итого.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1800 года . .	115	»	371	7	486	7
1801 — . .	115	»	341	7	456	7
1802 — . .	165	3	332	5	497	8
1803 — . .	165	6	342	7	507	13
1804 — . .	212	8	375	12	587	20
1805 — . .	289	11	310	7	599	18
1806 — . .	298	8	300	7	598	15

Это небольшое число учащихся снабжалось лучшими въ то время книгами.

Съ 1805 по 1810 годъ въ харьковскомъ округѣ въ ходу были, между прочимъ, слѣдующія книги, о которыхъ мы находимъ слѣды въ дѣлахъ архива.

1) О нравахъ и обычаяхъ древнихъ римлянъ.
2) Исторія Блюменбаха, въ 3 частяхъ.
3) Зрелища вселенныя, на французскомъ, нѣмецкомъ и россійскомъ языкахъ.
4) Исторія Д'Анкетиля, въ 2 частяхъ.
5) Кестнерова математика, въ 4 частяхъ.
6) О должностяхъ человѣка, безъ вопросовъ.
7) Минералогія Севергина.
8) Математика Осиповскаго, въ 2 частяхъ.
9) Статьи о душѣ человѣческой.
10) Размышленія о природѣ растущаго винограда.
11) Физика Галяровскаго.
12) Пространная исторія россійская Штритера, въ 3 частяхъ, и проч. и проч.

Въ запискѣ «о шалостяхъ и наказаніяхъ учениковъ за 1830 г.» значится, что шалости состояли въ самовольныхъ отлучкахъ учениковъ—«ученикъ Оприцъ грубилъ рисовальному учителю Андреевскому и кричалъ»— «учителю латинскаго языка Кульжинскому неучтиво отвѣтилъ ученикъ: я буду просить васъ, чтобы вы уволили меня навсегда изъ вашего класса» — «ученикъ уличенъ съ нѣкоторыми другими учениками въ заведеніи какого-то частнаго театра» (??) противъ послѣдней шалости отмѣтка: «посаженъ былъ въ карцеръ» — «ученикъ Янковичъ бранился въ классѣ непристойными словами» — «ученикъ Голенищевъ бродяжничаетъ по городу и намарѣвался вовсе убѣжать изъ города» «ученикъ, призванъ будучи къ выговору, объявилъ, что намѣренъ поступить въ военную службу» (отмѣтка: «8 мая посаженъ за то въ карцеръ»)—«у ученика Александрова найдены трубка и табакъ» («15 февраля посаженъ въ карцеръ на 6 часовъ»)—«онъ же, 5 мая, стоя на колѣняхъ, объявилъ громко, что не хочетъ учиться»—«ученикъ Денисовъ шалитъ въ классѣ и, будучи уже наказанъ, смѣется, сверхъ того ослушенъ, и былъ встрѣченъ шатающимся по городу» (отмѣтка: «8 февраля извѣщены его родители, чтобы приняли мѣры къ его исправленію;

имя его оглашено съ кафедры и онъ былъ посаженъ на два дня въ карцеръ»).

Но нѣкоторые учителя въ поведеніи не отставали отъ своихъ учениковъ.

Изъ дѣла 1806 г. августа 24 видно, что по рапорту ахтырскаго смотрителя Мандрыки, учитель ахтырскаго малаго народнаго училища прапорщикъ Иванъ Столбъ-Ратынскій «худаго поведенія, прилежанія не имѣетъ, а распутную жизнь и нерѣдкое пьянство, не аттестуется». Мандрыкѣ поручено было отъ 1-го сентября 1806 г. «о исправленіи Столбъ-Ратынскаго начальническимъ увѣщаніемъ и ежемѣсячными о немъ донесеніями». Вѣроятно онъ исправился; но 1810 г. февраля 5-го, какъ видно изъ другаго дѣла (№ 621), умеръ отъ горячки и женѣ его Феофилѣ съ дочерью выдано пособіе въ 325 р. асс., «по крайней ея бѣдности и трудности имѣть дневное пропитаніе».

Въ 1829 г. много шума надѣлало въ Харьковѣ бѣгство двухъ гимназистовъ изъ города и гимназіи, именно: казенно-коштнаго, крещеннаго еврея Григорія Добровѣрова, и своекоштнаго, сына корнета Вестфальской службы, Дмитрія Доброславскаго. Изъ архивнаго дѣла о нихъ (№ 1594), найденнаго нами, видно, что тогда сильно въ модѣ была въ школахъ военная служба. По протоколу «нарочитаго засѣданія» по сему казусу педагогическаго совѣта гимназіи, значится: «20-го мая 1829 г. означенные ученики, по нравственности и поведенію *одни изъ худшихъ*, во время сна товарищей вышли тайно изъ гимназіи, наняли на постояломъ дворѣ кибитку и бѣжали, съ цѣлью ѣхать въ Старый-Константиновъ, испросить у родственниковъ денежное вспомоществованіе для опредѣленія въ военную службу; но въ 60 верстахъ отъ Харькова пойманы надзирателемъ гимназіи штабсъ-капитаномъ Апаринымъ и гимназическимъ швейцаромъ, унтеръ-офицеромъ Куценкомъ, извѣстными по особенной расторопности для преслѣдованія, остановленія и обращенія воспитанниковъ снова въ гимназію». — Совѣтъ присудилъ ихъ исключить, а до присылки за ними родныхъ продержать при городской полиціи въ дежурной камерѣ. На дѣлѣ учитель математики Ѳ. Л. Тюринъ, при подписаніи протокола остальными членами совѣта, написалъ: «По классныхъ замѣчаніямъ моимъ, *они не были изъ худшихъ учениковъ*».

Изъ дѣла о пожертвованіяхъ на училища губерніи (№ 1236) видно, что на публичномъ актѣ въ лебединскомъ училищѣ, въ 1814

году, нѣкто Григорій Демидовъ пожертвовалъ на училище 5 р. и стѣнные часы въ 10 р. асс., при этомъ другіе еще пожертвовали 40 р. асс. Въ Зміевѣ на актѣ 1814 г. пожертвовали 20 руб. Петръ Богуславскій и др. Болѣе въ архивѣ дѣлъ о жертвахъ на школы въ губерніи мы не нашли. Въ 1811 г. (№ 707), въ дѣлѣ о проступкахъ директора училищъ Харьковской губерніи Шредера, оказывается, что Шредеру читанъ выговоръ министра просвѣщенія «за сѣченіе ученика Зубкова розгами и за битьё тростью, раздѣвъ до рубахи, ученика Калиновскаго» — за каковые неприличные поступки грозились его отставить: «такъ какъ они истребляютъ въ дѣтяхъ любочестіе и отъ таковаго воспитанія грубѣютъ чувствованія, благородный образъ мыслей, съ каковыми дѣти *нерѣдко* поступаютъ изъ домовъ своихъ въ училища и въ нихъ оныя теряютъ, вопреки цѣли просвѣщенія, а въ директорѣ вмѣсто отца представляютъ себѣ мучителя». — Этотъ выговоръ посланъ по округу циркуляромъ; вѣроятно на это были у попечителя и другія причины, не одна жестокость Шредера.

Любопытно, что въ такіе дни самовластія и насилій училищныхъ бюрократовъ, литературные селадоны добраго стараго времени стремились угощать насильно училища своими литературными грѣхами. Графъ Хвостовъ былъ почетнымъ членомъ харьковскаго университета и въ 1811 году прислалъ ему 25 экземпл. своего сочиненія: «о пользѣ критики» въ стихахъ, прося въ письмѣ: «*разсыпать* оное по училищамъ губерніи, какъ оное сочиненіе есть *классическое*». Университетъ исполнилъ его просьбу, при чемъ возникло дѣло (№ 682) на 20 листахъ.

Но начальство иногда просыпалось и принимало болѣе рѣшительный тонъ въ отношеніи злоупотребленій губернскихъ училищныхъ педагоговъ. Вотъ документъ о пьянствѣ.

Въ 1814 г. января 31-го, за № 323, харьковскимъ университетомъ получено отъ министра просвѣщенія гр. Алексѣя Кириловича Разумовскаго предложеніе слѣдующаго содержанія, по школамъ губерніи: «Изъ доходящихъ ко мнѣ свѣденій, къ крайнему прискорбію моему, усматриваю, что учители, которые должны служить для учащихся примѣромъ въ поведеніи, нерѣдко *обращаются въ пьянствѣ* такъ, что дѣлаются неспособными къ отправленію должности. Въ прекращеніе сего предписываю харьковскому университету, *собравъ въ каждомъ учебномъ заведеніи учителей*, объявить имъ, что, если кто либо изъ нихъ впредь замѣченъ будетъ обращающимся

въ пьянствѣ, столь гнусномъ порокѣ, наипаче для наставника юношества, таковой не только лишится мѣста и будетъ исключенъ безъ аттестата, но сверхъ того еще опубликованъ въ вѣдомостяхъ. О каждомъ таковомъ, къ опубликованію подлежащемъ, предварительно представлять мнѣ. Подлинное подписалъ: гр. Алексѣй Разумовскій».

Серьезныя раны въ тогдашнемъ губернскомъ обществѣ рисуетъ этотъ циркуляръ. Намъ пришлось его копію найти въ бумагахъ одного стараго учителя въ городкѣ губерніи, въ связкѣ другихъ бумагъ покойника, переданной намъ его родичемъ. Этотъ циркуляръ былъ присланъ къ нему, вѣроятно, нѣкогда въ копіи, какъ къ имѣющему къ нему отношеніе. На поляхъ бумаги рукою учителя сдѣлана отмѣтка былаго гуляки-учителя, въ гробъ унесшаго съ собою неисправимость въ дѣлѣ, сердившемъ такъ министра: «хорошо вамъ, господа, начальство; да намъ-то плохо». Тутъ же, какъ видно любимая нѣкогда холостяка учителя, лежала пожелтѣвшая книжка прошлаго времени: «наставленіе молодымъ госпожамъ, вступающимъ въ свѣтъ и брачные союзы», соч. г-жи Ле-Пренсъ де Бомонтъ. Перевелъ Ефимъ Руничь. Москва, въ тип. Новикова. 1788 г.» (въ книгѣ сохранился пучекъ полевыхъ волошковъ) и тетрадь: «Между грѣхами и бездѣльемъ, собраніе разныхъ пѣсень масонскихъ. Григорія Капустянскаго. 1774 г.». Этотъ бѣднякъ учитель, говорятъ, умеръ, повѣсившись отъ тоски и скуки, когда лишился мѣста за пьянство.

Если читатель перенесется въ школьную жизнь губерніи прошлаго времени, набросанную въ этихъ замѣткахъ, онъ съ одной стороны увидитъ тщетныя попытки высшаго начальства облагородить ее, а съ другой грубую мѣстную среду, гдѣ такъ плохо принимались эти бюрократическія сѣмена.

Нашъ вѣкъ, слѣдовательно, недалеко ушелъ еще тогда отъ вѣка Екатерины II, когда петербургскія руководства для училищъ наивно перечисляли то, что слѣдовало запретить. «Руководство учителямъ народныхъ училищъ», 1789 г. (2-е изданіе), запрещало: «тѣлесныя наказанія, ремни, палки, плети, линейки и розги, пощечины, толчки и кулаки, драніе за волосы, ставленіе на колѣни и драніе за уши, всѣ посрамленія и устыженія, уши ослиныя и названіе скотины, осла» и т. п. «Уставъ, 1786 года, для народныхъ училищъ» предписывалъ учителямъ: «не дѣлать смѣшныхъ тѣлодви-

женій, не показывать, какъ птицы летаютъ, и не подражать птичьему, лошадиному или собачьему голосу».

Объ училищахъ вѣдомства духовнаго, государственныхъ имуществъ, военныхъ, а нынѣ южныхъ поселеній, благотворительнаго общества, помѣщичьихъ экономій, временно-обязанныхъ крестьянъ и прочихъ, мы скажемъ ниже, въ обозрѣніи нынѣшняго положенія школъ въ губерніи, давно ожидающихъ той благословенной поры, когда всѣ разнородныя училищныя начальства сольются въ одно съ расширеніемъ правъ мѣстнаго самоуправленія училищъ.

Пробѣгая въ памяти приведенныя въ этомъ очеркѣ былыя стороны училищной жизни въ губерніи, читатель увидитъ, что эта жизнь шла не очень успѣшными шагами. Мы не находимъ большаго прогресса въ насильственной отдачѣ солдатскихъ дѣтей въ школы для кантонистовъ, сравнительно съ эпохой 1808 года, когда производилось въ канцеляріи университета дѣло «объ истребованіи изъ семинаріи студентовъ» для наполненія аудиторій этого университета, или когда изъ Петербурга въ 1807 году предписывалось завести въ Харьковѣ «двѣ или три гимназіи». Насланіе подобныхъ олимпійскихъ предписаній изъ Петербурга въ губерніи вызывало подобные же перуны и изъ Харькова по уѣздамъ, откуда наконецъ стали возникать запросы дирекціи училищъ и переписка съ нею на десяткахъ листовъ — «о передѣлкѣ печки въ зміевскомъ училищѣ» или «о починкѣ крыши ахтырскаго училища».

Дѣла самой дирекціи училищъ представляютъ множество примѣровъ подобнаго разъѣдающаго вмѣшательства и контроля дирекціи надъ самыми ничтожными сторонами жизни сельскихъ училищъ въ губерніи.

Не выиграли училища и отъ замѣны визитаціи профессоровъ визитаціями чиновниковъ дирекціи. Внѣшняя, или казовая сторона, стала играть тутъ главную роль. Дисциплина и чинопочитаніе между учителями были вскорѣ введены успѣшнѣйшія, въ особенности въ школахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и военныхъ поселеній, о чемъ мы скажемъ ниже. За то сама наука въ народѣ въ послѣднее время шла, да и теперь, надо сознаться прямо, идетъ тѣми же черепашьими шагами, какими шла во времена буйства мифическаго ахтырскаго учителя Столпъ-Ратынскаго и ссоры изюмской повивальной бабки съ женою смотрителя училищъ Нупыкина.

Этотъ же бѣглый очеркъ убѣдитъ, надѣюсь, читателя въ той истинѣ, что хотя школы по харьковскимъ селеніямъ были открыты, еще въ началѣ XVIII вѣка, усиліями мѣстнаго духовенства, но въ нихъ приготовлялись только будущіе служители клиросовъ и алтарей. Грамотность черезъ нихъ въ народъ собственно не проникала. За то, готовя пѣвчихъ, пономарей, дьячковъ и дьяконовъ, эти петровскія школы въ то же время въ этихъ лицахъ готовили будущихъ учителей. Народъ тогда искалъ въ наукѣ одного: узнанія немногихъ молитвъ, догматовъ вѣры и пѣнія церковныхъ кантовъ. Послѣдніе распѣвались даже на званыхъ частныхъ пирушкахъ. Спѣть кантъ значило тогда то же, что́ теперь сыграть польку или вальсъ. Но если въ началѣ XVIII вѣка, въ петровскихъ греко-славянскихъ школахъ преобладала стихія церковная, внѣшне-обрядовая, вліявшая на народъ, въ концѣ XVIII вѣка въ полу-латинскихъ и также полу-духовныхъ народныхъ нашихъ школахъ было также народнаго одно названіе. Мало утѣшительнаго принесъ этимъ школамъ и XIX вѣкъ. Тутъ сельскія школы подавлены чиновничьимъ вліяніемъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Но объ этомъ скажется въ слѣдующей половинѣ этихъ замѣтокъ, именно, въ обозрѣніи харьковскихъ школъ за послѣднее время ихъ существованія, гдѣ предлагается читателямъ очеркъ первоначальныхъ школъ въ селеніяхъ помѣщичьихъ, государственныхъ крестьянъ, военныхъ поселянъ, въ мѣстечкахъ, населенныхъ мѣщанами, школъ духовныхъ, благотворительныхъ и пр., съ отзывами о нихъ простаго народа, высшаго общества, самихъ учениковъ и ихъ учителей, въ томъ числѣ мѣстнаго духовенства, до 690 отзывовъ котораго о школахъ я имѣлъ случай прочесть въ подлинникѣ. Наука, о широкомъ вліяніи которой на народъ мечталъ въ началѣ XVIII вѣка Петръ I, а въ началѣ XIX вѣка профессоръ Каменскій, шла съ 1709 года, когда возникли первыя школы въ губерніи, до сихъ поръ, можно утвердительно сказать, не касаясь самаго народа. Статистическія цифры и таблицы съ итогами учителей и учащихся мало доказываютъ. Въ заключеніе моего труда я также представлю полный списокъ школъ съ числами ихъ учениковъ. Немалаго труда мнѣ стоили эти таблицы. Но что́ же я увидѣлъ, задумавши ихъ составить? Мои источники: канцелярія дирекціи училищъ, канцелярія палаты государственныхъ имуществъ, канцеляріи округовъ бывшихъ военныхъ поселеній, губернское о крестьянскихъ дѣлахъ присутствіе, гг. мировые посредники, духовная консисторія и мѣстныя свѣдѣнія, полученныя отъ

ХАРКІВСЬКА ДЕРЖАВНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ім. В. Г. КОРОЛЕНКА

Осм. 26719

гг. штатныхъ смотрителей училищъ, говоря объ однѣхъ и тѣхъ же школахъ и за одно и то время дали мнѣ свѣдѣнія вообще различныя, а иногда и совершенно противоположныя. Въ иныхъ я ненаходилъ свѣдѣній о школахъ, давно открытыхъ и посѣщенныхъ мною; въ другихъ, краснорѣчивыя числа учениковъ стояли передъ школами, никогда въ дѣйствительности несуществовавшими. Народъ ждетъ школъ, но не такихъ, какія теперь ему даны. Это общій голосъ. Буду счастливъ, если мнѣ удалось вѣрно записать его въ слѣдующей половинѣ этихъ замѣтокъ.

Г. Д.

24-го ноября 1863 года.

VALSTS BIBLIOTEKA

Напечатано по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ Типографіи І. Огризко.

256592

A 524836

14.4.75